С.А.ПЛЕТНЕВА

ПЕЧЕНЕГИ И ГУЗЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

(ПО МАТЕРИАЛАМ КОЧЕВНИЧЕСКОГО МОГИЛЬНИКА У САРКЕЛА–БЕЛОЙ ВЕЖИ)

МОСКВА 1990

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
к.и.н. Русанова И.П.

Обложка художника Сафроновой Н.С.
Иллюстрации в исполнении автора

© Институт археологии АН СССР, 1990 г.

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
АН СССР

ПЛЕТНЕВА С.А.

ПЕЧЕНЕГИ И ГУЗЫ НА НИЖНЕМ ДОНУ

(по материалам кочевнического могильника у Саркела-Белой Вежи)

Москва 1990

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ I

ВВЕДЕНИЕ

Материалы, полученные при исследованиях первой крупной новостроечной экспедиции СССР - Волго-Донской еще долго будут предметом самого пристального внимания археологов. Десятки тысяч керамических обломков, сотни целых сосудов, огромное количество разнообразных предметов из железа, бронзы, серебра, кости, стекла, многие из которых являлись настоящими произведениями прикладного искусства, ждут своих исследователей.

Еще далеко не полностью охвачены результаты полевых работ 1934-1936 и 1949-1951 гг. на городище, представлявшее собой развалины единственного раскопанного более, чем на половину, хазарского степного городка Саркела, называвшегося, после завоевания его Святославом в 965 г., Белой Вежей, что, как известно, было точным переводом тюркского прежнего названия.

Нельзя сказать, что руководитель экспедиции М.И.Атамонов не заботился об изучении и издании всех этих материалов. В 1958 г. вышел I том Трудов Волго-Донской экспедиции. Он открывался большой статьей М.И.Артамонова об истории изучения, истории и общей характеристике памятника. Второй том (1959 г.) включил ряд статей об архитектуре кирпичной крепости и о рядовых жилищах, а также об отдельных категориях вещей, обнаруженных на городище. Третий том (1963 г.) полностью посвящен материалам из громадного беловежского кладбища, примыкающего к нему кочевнического могильника, а также антропологическому исследованию сотен погребенных на древних кладбищах людей [Тр. ВДЭ I, П, Ш].

М.И.Артамонов планировал издание пяти томов Трудов экспедиции. Вероятно, в них было бы охвачено значительно большее количество категорий вещей, поднято больше методологических и теоретических вопросов. Однако, и по опубликованным трем книгам видно, что сделано было много, тем более, что издание осуществлялось в крупноразмерных прекрасных томах МИА.

С выхода в свет последнего третьего тома прошло уже более четверти столетия. За это время археологическая наука, естественно, значительно раздвинула свои горизонты, усовершенствова-

ла методику обработки материала, обогатилась достижениями других гуманитарных и естественных наук. Опубликованные в Волго-Донских томах статьи постепенно стареют, представленные в них материалы явно нуждаются в дополнительной проработке, которая позволит, вероятно, сделать новые более обоснованные и, безусловно, более интересные выводы.

В настоящее время мне представляется, что особенно остро этот процесс "старения" выявился в статье, посвященной кочевническому могильнику у Саркела-Белой Вежи, опубликованной в третьем томе Трудов [Плетнева, 1963]. К тому же следует учитывать, что статья была написана много ранее опубликования - примерно в середине 50-х годов и пошла в печать без всяких изменений.

Тогда подобные могильники и даже отдельные погребения не были известны. Правда, казалось, что они будут в ближайшие годы открыты разведками, маршруты которых намечалось проводить вдоль многочисленных степных больших рек и речушек. С тех пор прошло 35 лет, но ни одного близкого по времени и обряду памятника на Дону так и не было обнаружено. Во время работ новостроечных экспедиций двух последних десятилетий попадались отдельные, чаще "впускные" погребения, которые можно было сопоставить с некоторыми материалами саркело-беловежского могильника.

Таким образом, этот последний и в настоящее время не утратил своего значения уникального памятника, углубленное исследование которого по-прежнему имеет исключительное значение при изучении кочевых этносов рубежа I и II тысячелетий н.э., обитавших в степях Восточной Европы. Это обстоятельство заставило меня вернуться к могильнику и попытаться решить ряд вопросов, которые остались недоисследованными или вообще не поднятыми при первоначальной публикации материалов.

Кроме того большим недостатком первого издания этого памятника было отсутствие вещевых комплексов. Предметы, найденные в могилах, были сгруппированы по категориям, видам и типам в несколько таблиц. Общее представление о составе находок они безусловно давали, но вещи изданы не все, поскольку однотипные предметы из разных комплексов в эти таблицы не попали.

В наши дни публикация отдельных комплексов всегда, когда это возможно, становится обязательным требованием при издании

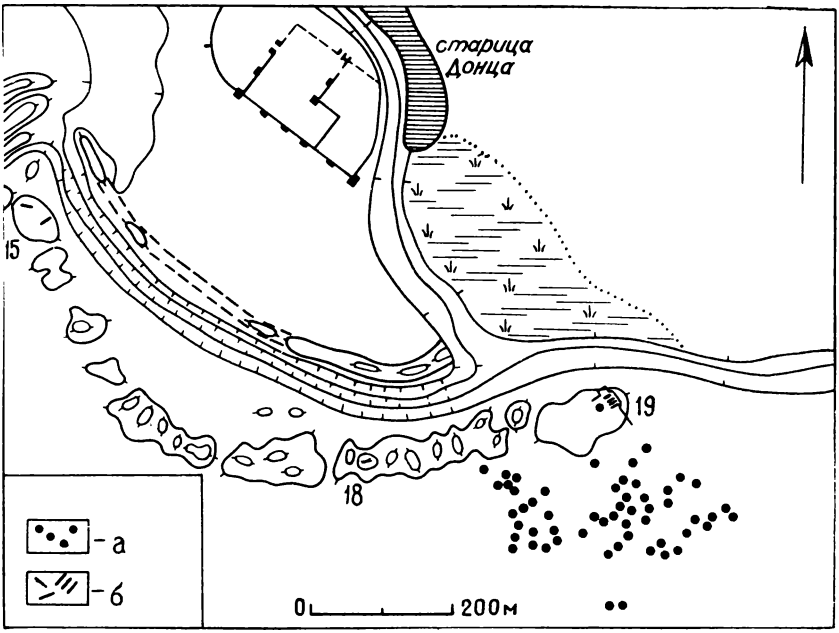

Рис.I. Схематический план крепости Саркел-Белая Вежа и ее окрестностей. Условные обозначения: I - курганы кочевнического могильника, 2 - кочевнические погребения в насыпях-холмах (выкидах из рва).

того или иного памятника. В данном случае это особенно необходимо потому, что вещи из погребений, открытых в 30-х годах, не были своевременно реставрированы и закреплены. Многие из них сохранились только в моих зарисовках начала 50-х годов.

Могильник был расположен в 0,5 км к юго-востоку от беловежской крепости в непосредственной близости с беловежским христианским кладбищем, размещенным на пяти насыпях-материковых выкидах, образовавшихся при сооружении грандиозного рва, ставшего вместе с таким же мощным валом второй (внешней) линией обороны города (Рис.I). Он состоял из небольших глиняных насыпей, привлекших внимание начальника экспедиции еще в 1934 г, когда были раскопаны семь курганчиков (№№ I-7). В следующем году вскрыли еще девять насыпей (№№ 8-I6). Руководил раскопками А.П.Круглов. В 1949 г. было открыто два подкурганных погребения (№№ 20,2I). Нумерация малых курганов была, как мы видим, нарушена, поскольку большие насыпи, на которых были обнаружены и начали активно исследоваться погребения христианского кладбища, вначале приняты были за курганы и в том году их обозначили №№ I7,I8,I9. Характер насыпей был определен после окончания работ на насыпи I7, раскопанной полностью, но полевые обозначения, попавшие во все описи и дневники, решено было не менять. Мало того, в следующие два года (1950-1951 гг.) 23 раскопанных мною курганчика также получали №№ не сплошь, а вперемешку как с насыпями, расположенными рядом с раскопанными в 1949 г. (насыпи 24,25,26), так и с курганами эпохи бронзы, разбросанными в некотором отдалении от городища [Артамонова, 1963. С.28. Рис.I7; Столяр, 1958. С.348-349. Рис.I].

Первое краткое описание могильника, его погребального обряда, издание наиболее ярких датирующих вещей, определение хронологии, соображения об этнической принадлежности памятника было опубликовано М.И.Артамоновым в обобщающей статье о Саркеле-Белой Веже [Артамонов, 1958. С.76-78]. Памятник был датирован им IX-XI вв. и предположительно определен как гузский, хотя со свойственной этому исследователю осторожностью и деликатностью он допускал, что возможно права и С.А.Плетнева, считающая курганы печенежскими [Плетнева, 1958. С.155-159]. В "Истории хазар", вышедшей в 1962 г., он написал, что эти погребения оставлены были скорее всего печенегами и гузами [С.309].

Через год [в 1963 г.] вышла моя статья об этом могильнике

для того времени достаточно полно характеризующая его. В конце статьи сделаны были и некоторые выводы о хронологии и этнической интерпретации в целом почти совпадающие с заключениями М.И.Артамонова. Следует сказать, что мои выводы опирались в основном на исследование, опубликованное в виде "монографической" статьи в первом томе Трудов ВДЭ в 1958 г. [Плетнева, 1958]. Статья была посвящена древностям кочевых народов Восточной Европы X - начала XIII вв. и была защищена мною в расширенном виде в качестве кандидатской диссертации еще в 1952 г.

По существу, это была первая попытка обобщения довольно большого ранее необрабатывавшегося материала из курганов "поздних кочевников", обитавших в степях между Днестром и Волгой. В ней было использовано около 500 комплексов, однако далеко не обо всех до нас дошли полные сведения. Об одних сохранились описания погребального обряда (более или менее подробные и ясные), от других сохранились в разных музейных хранилищах разрозненные вещи, от третьих - только знаменитые "спишинские карточки". Поэтому материалы из раскопок Н.Е.Бранденбурга [Бранденбург, 1908] в Поросье, а также курганы беловежского могильника, стали основой работы. К ней присоединены были комплексы из других областей в той мере, в какой удалось восстановить их первоначальный облик и характер.

Хронологическое определение материала было сделано мной по многочисленным аналогиям из надежно датированных комплексов и памятников. В целом, датировки позднекочевнических материалов оказались верными. Они были проверены, подтверждены и частично уточнены через 14 лет в книге Г.А.Федорова-Давыдова [Федоров-Давыдов, 1966]. Последняя стала важнейшей вехой в исследовании позднекочевнических древностей, поскольку автор ввел в науку новую методику, благодаря которой с "математической точностью" была создана периодизация восточноевропейских кочевнических материалов X-XV вв. Интересно, что фундаментом первого (раннего) этапа стали, как и в моей работе 1952 г., погребения беловежского могильника, хотя материалы, которые использовал Федоров-Давыдов (из моей статьи 1963 г.) давали далеко не полное представление о памятнике и особенно - об отдельных его комплексах.

Таким образом, все сказанное говорит о необычайной важности этого исключительно памятника, о необходимости издания его вещевых комплексов, а также повторного анализа и рассмотрения некоторых особенностей и признаков, не отмеченных или слабо обработанных в первой публикации.

ГЛАВА I

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

В середине 30-х годов М.И.Артамонов, характеризуя могильник, писал, что в нем насчитывалось около 100 курганов, высота которых колебалась от 0,5 до 1 м. В 1950 г. был сделан точный подсчет насыпей - их оказалось всего 53. Очевидно, часть могильника с юга и юго-запада была за прошедшие годы уничтожена проходившими по нему дорогами. Надо сказать, что сохранившиеся курганы также не соответствовали описанию М.И.Артамонова. Как правило, все насыпи представляли собой сильно расплывшиеся всхолмления, заметные преимущественно при "косых" лучах солнца (на восходе и особенно четко - на закате). Несмотря на очень плохую сохранность насыпей, мы можем уверенно говорить во всяком случае о трех их признаках: 1 - все они были небольшими, 2 - сооружались из земли (в основном из материковой глины) без применения камня и 3 - не были окольцованы ровиками, как большинство синхронных им славянских курганчиков [см., например, Винников, 1984. С.14-17 и др.]. Не окружались ровиками, частоколом или какими-либо иными сооружениями и могилы под насыпями.

Могильные ямы неглубокие (средняя их глубина от материка 0,4-0,5 м). В тех редких случаях, когда удавалось проследить глубину ямы от подошвы кургана, т.е. от древней дневной поверхности, она равнялась 0,7 - 0,8 м. В плане ямы овальные или прямоугольные с закругленными углами (Рис.2-9). Размеры их не превышают в большинстве случаев 2 х 0,8-1м, погребенные вместе с останками коней лежат в них достаточно свободно, хотя иногда встречались захоронения, в которых покойник буквально втискивался в яму, причем в трех случаях (№№ 8, 48, 54) останки коня, не помещавшиеся рядом, были уложены над погребением человека, на перекрывающей его засыпке толщиной в 0,1 - 0,25 м (Рис.5,6).

К этому типу захоронений можно, вероятно, отнести и погребение под курганчиком, перекрытом расплывшейся полой насыпи 19, и поэтому неправильно пронумерованного в поле как погребение 56 насыпи 19 (далее - 19/56). Там останки коня были разложены не на подсыпке, а непосредственно на крышке досчатого гроба (Рис.

I0). Следует отметить и еще одну особенность этого могильного сооружения, а именно - над могилой на уровне подошвы кургана были обнаружены в ряд уложенные четыре саркельские кирпича с остатками извести на поверхности, что свидетельствует об их вторичном использовании, то есть они были извлечены из стены при разрушении какой-то крепостной постройки (два крайние кирпича этого ряда разбиты и сохранились не полностью). Возможно, что размещение частей и шкуры коня выше покойника объясняется не только небольшими размерами могилы, но и желанием в каких-то ритуальных целях отделить покойника от коня, положить останки последнего как бы на искусственно сооруженную приступку.

Настоящие приступки, хотя и невысокие, были оставлены слева от погребенного человека в могилах к.к. 4I и 43 (Рис.9). Высота их над дном могилы не более 0,25 м. Поскольку глубина ям, как говорилось, очень небольшая, чучело коня, лежавшее на приступке, находилось почти на уровне материка, безусловно первоначально возвышаясь над могилой.

В большинстве открытых могил погребения совершены без гроба. Не прослежены и следы каких-бы то ни было подстилок, хотя логично предположить, что они были: из ткани, из тонкого войлока или кожи. Однако органика здесь сохранялась так плохо, что от тонкого ее слоя естественно ничего не оставалось. Надо сказать, что и следы от деревянных гробов прослеживались с большим трудом. Они были обнаружены только в шести могилах обычно в виде слоя коричневого тлена под скелетом и,если гроб был досчатым, нескольких крупных кованых четырехгранных гвоздей в головах и у ног покойника (№№ 39,4I,56). В двух могилах при наличии деревянного тлена гвоздей не было. Можно предполагать, что погребение совершено просто на подстилке из досок или же в гробу-колоде (№№ 40,42). Очертания гроба (стенки, тлен от днища под скелетом, частично крышка, сделанная из одной широкой доски) сохранились только в упомянутом уже погребении I9/56. Длина этого гроба равнялась 2,4 м, ширина - 0,6 м. Другие были, видимо более тесными: так в могиле к.4I поза скелета с прижатыми к бокам руками позволяет говорить, что ширина гроба не превышала 0,4 м, длина его также была весьма ограничена, так как при забивании его гвоздь пробил пятку захороненного в нем человека, а, следовательно, ступни его упирались в торцовую стенку

гроба.

Все 44 покойника, погребенные под "малыми" курганами, были ориентированы головами на Запад, с непременным бóльшим или меньшим сезонным (зимним) отклонением к югу (Рис.II).

Размеры насыпей фактически исключают возможность помещения в них впускных захоронений, тем не менее в четырех из них, то есть в 10%, такие захоронения были совершены (Табл.I).

Таблица I

Характеристика впускных погребений могильника

№/№ курганов		4/I	I0/I	35/I	38/I
пол	муж.		+	?	
	жен.	+		?	+
возраст	юн.	+	+	+	
	зрел.				+
антропол. тип	европ.			?	+
	монг.		+	?	
	смешанный (е+м)	+			
вещи	нож	+			
	кост.пласт.		+		
Смертельная рана		+			

Впускные погребения, как мы видим, характеризуются прежде всего отсутствием или крайней скудостью сопровождающего инвентаря. Другой их особенностью является явное преобладание погребенных детского и юного возраста (I0-I5 лет). Исключением является женщина из насыпи 38 (возраст ее 45-50 лет). Погребение ее вообще отличается от всех захоронений не только данного могильника, но и всех остальных кладбищ, расположенных в окрестностях Саркела-Белой Вежи (Рис.2). Дело в том, что умершая была уложена

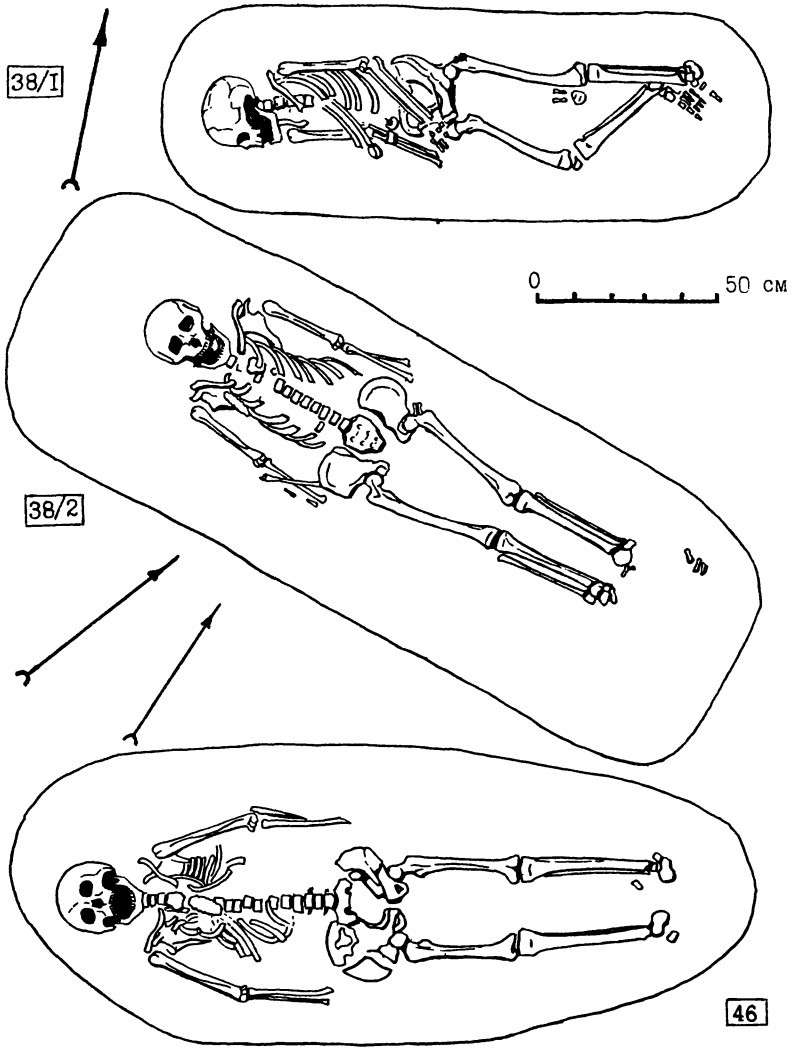

Рис.2. Погребения I типа (безынвентарные). Здесь и на следующих рисунках крупные цифры обозначают №№ курганов и погребений.

в типичной для мусульманского погребального обряда позе - в легком правом повороте, лицом на юг - к Мекке Халикова, 1986. С.44 и сл Судя по отсутствию аналогичных захоронений в этом регионе, мусульманка попала сюда случайно, была, вероятно, пленницей и относилась к беднейшей части населения. Интересно, что и основное погребение этого кургана (женское, того же возраста) отличалось, несмотря на соблюдение явно языческого погребального обряда, полным отсутствием вещей (Рис.2). Видимо, как и мусульманка, она принадлежала к наиболее бедной и зависимой группе населения. Юный возраст и "бедность" остальных "впускников" позволяет относить их к той же группе зависимых или, во всяком случае, несамостоятельных людей.

В эту группу входило, как нам представляется, еще девять захоронений, совершенных без сопровождающего инвентаря (Табл.2; Рис.2).

Таблица 2

Погребения без инвентаря (I тип)

	№ курганов	4/2	6	9	20	29	33	38/2	42	46
пол	муж.	+		+	+	+	+		+	+
	жен.		+					+		
возраст	юн.	+				+				
	возмуж.		+	+			+			
	зрел.				+			+	+	+
антроп. тип	европ.			+		?	+	+	+	+
	смешанный (е+м)	+	+		+	?				
Смертельная рана				+						+

В целом о погребениях, включенных в первый тип можно сказать, что они принадлежали людям, занимавшим самое скромное место в обществе. Не только отсутствие вещей, но и мелкие, небрежно выкопанные могилы, совсем маленькие насыпи, почти невидимые на поверхности, физическая слабость большинства захороненных (дети, женщины, пожилые) свидетельствует в пользу этого предположения.

Близки к первому типу и погребения второго типа, отличающиеся от первого помещением в могилу вместе с покойником мелкого бытового инвентаря: ножиков и кресал с кремнями (Табл. 3; Рис.3).

Таблица 3

Погребения 2 типа

№№ курганов		I2	I3	I4	I5	27	28	36
пол	муж.		+	+	+	+	+	+
возраст	возмуж.	+	+	+	+			
	зрелый					+		+
	стар.						+	
антропол. тип	европеоид	+	+					
	монголоид			+	+	+	+	+
вещи	ножи	+	+			+	+	+
	кресала		+	+	+			
	кремни		+		+	+	+	+
Смертельные раны					+	+		

Все погребения - мужские, причем четверо из них - в расцвете сил (возмужалые). Юных в этой группе нет совсем. Характерно для типа явное преобладание монголоидов. Ограниченный ассортимент находок свидетельствует, очевидно, о том, что погребения этого типа также, как и первого, следует относить к беднейшему слою населения. Несмотря на то, что это в основном взрослые сильные мужчины, они явно не принадлежали к той части населения, которая считалась наиболее действенной и почетной - к воинам, хотя не исключено, что трое из них погибли в бою: от сабельных ударов по голове (№№ I4, I5) и от срелы, пронзившей грудь и застрявшей в грудной клетке (№ 27).

Третий тип, в отличие от двух предыдущих, характеризуется прежде всего наличием в могилах остатков оружия: стрел, колча-

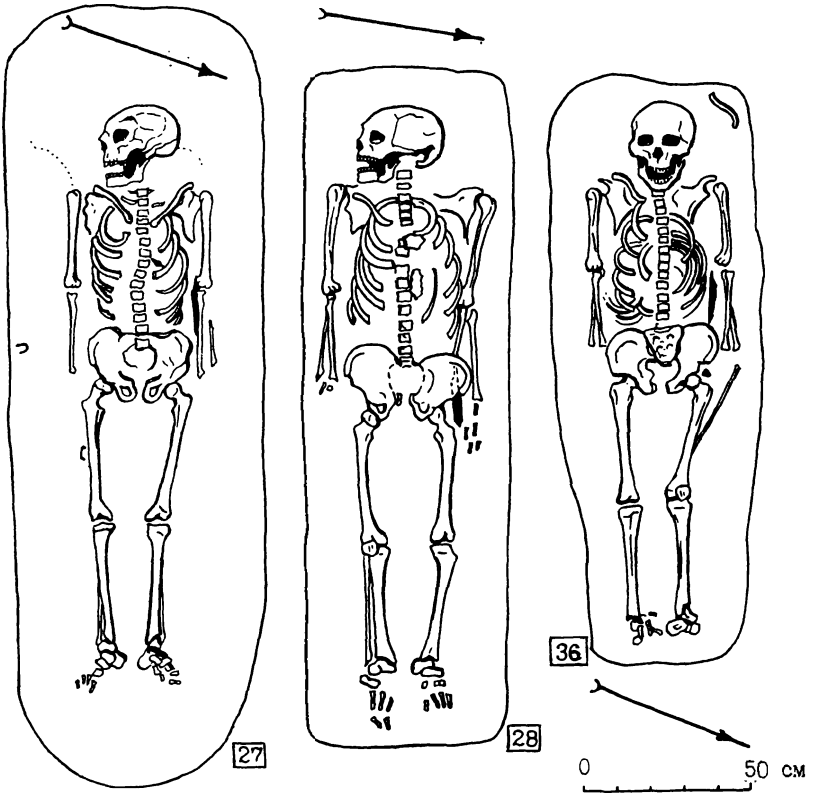

Рис. 3. Погребения 2 типа.

нов, луков. Четыре погребения (из пяти) принадлежали мужчинам-европеоидам, двое из них - старики, один - пожилой мужчина (Табл.4; Рис.4). Тем не менее, все они были несомненно воинами, хотя, видимо, безлошадными. Во всяком случае, у их родных не было возможности убить на похоронах лошадь. Впрочем, возможно и другое объяснение: судя по возрасту, трое умерших уже не были активными бойцами, поэтому достаточно было положить вместе с ними их личное оружие (лук и несколько стрел) для защиты и охоты во время перехода "на тот свет". Только один из этого типа захоронений - возмужалый воин погиб, вероятно, в бою, т.к. лоб у него пробит чеканом, однако коня он также по какой-то причине не получил (не удостоился его).

Таблица 4

Погребения 3 типа

№ курганов		I0/2	II	39	49	59
мужчины		+	+	+	+	+
возраст	юный					+
	возмужалый			+		
	зрелый		+			
	страческий	+			+	
европеоиды		+	+	?	+	+
вещи	стрелы	+	+	+	+	
	колчаны	+	+	+	+	
	луки	+	+		+	
	ножи	+	+	+		
	кресала			+		
	подвески					+
	горшочек	+				
Смертельная рана				+		

Как бы там ни было, но, по-видимому, этот тип объединяет

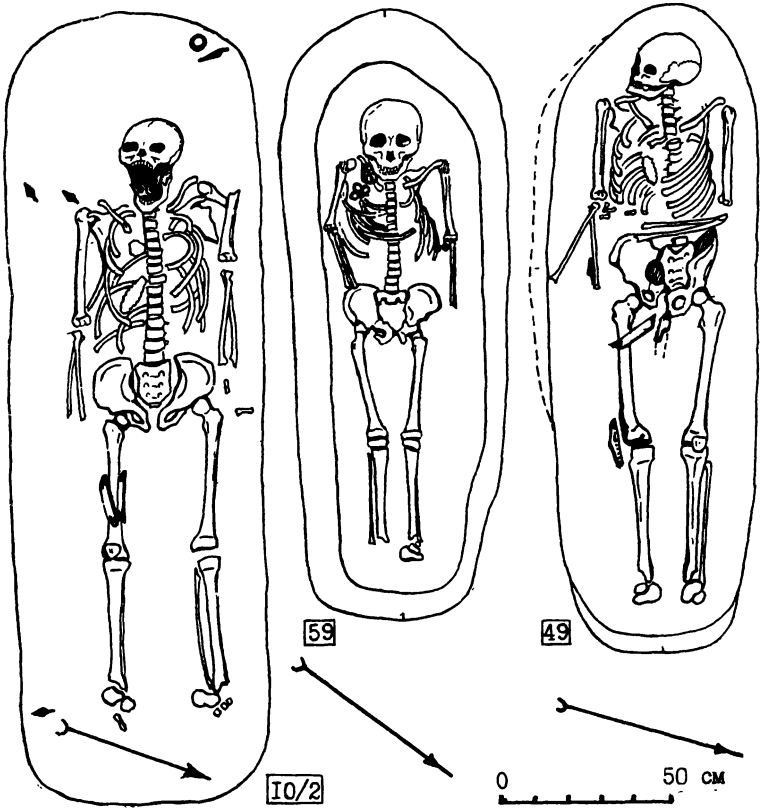

Рис.4. Погребения 3 типа.

захоронения людей, стоявших на более высокой общественной ступени, чем похороненные предыдущих типов.

Условно к этим захоронениям я считаю возможным отнести погребение юноши из к.59 (Рис.4). Он также принадлежал к той группе населения, которая хоронила без сопровождения коня. Вместе с ним не было даже оружия, но зато он был снабжен двумя явно "престижными" предметами: бронзовыми литыми подвесками. Надо сказать, что в эпоху классообразования "престижные" ценности играли очень большую роль в жизни общества, в деятельности людей, выдвигающихся на господствующие позиции. Престижными вещами, как правило, были не только предметы из драгоценных металлов, но и художественные изделия [История первобытного общества. 1988. С.383]. Подвески, правда, были сильно потерты и сломаны (одна вообще была первоначально ручкой копоушки), но все же наличие их выделило это захоронение из остальных юношеских безлошадных погребений. Вероятно, юноша принадлежал к довольно богатой семье, в которой были в употреблении прекрасные вещи, но во время похорон родичи сопроводили его некоторыми из них. Что же касается коня и оружия, то из-за юного возраста они ему, вероятно, еще не полагались.

Следующие два типа характеризуются захоронением вместе с человеком чучела коня, от которого в могиле сохраняются череп, кости ног коня, отчлененные по первый, второй или третий сустав и, изредка, - хвостовые косточки или отпечатки шкуры на дне могилы.

В четвертый тип включены погребения, в которых ноги коней были отчленены по второй сустав (Табл.5; Рис. 5 и 6). Всего таких погребений на могильнике обнаружено семь. В четырех из них кости коня лежали слева от человеческого скелета на дне могилы. Череп коня, обычно взнузданный, немного перекрывает кости левой руки, бабки и копыта передних ног помещались примерно на уровне таза или бедра погребенного, а бабки с копытами задних ног - у его ступней (Рис.5. К.К. 35,47). Таким образом, набитая сухой травой шкура коня, по-видимому, вполне реалистично изображала целую тушу животного, уложенную на дно с подогнутыми ногами. Совсем иначе располагались конские кости в могилах, где останки коней помещали над покойником - в засыпке могилы. Череп коня в таких случаях находился или у левой стенки, слева от головы погребенного человека (К 8,54), только выше ее на 0,I -

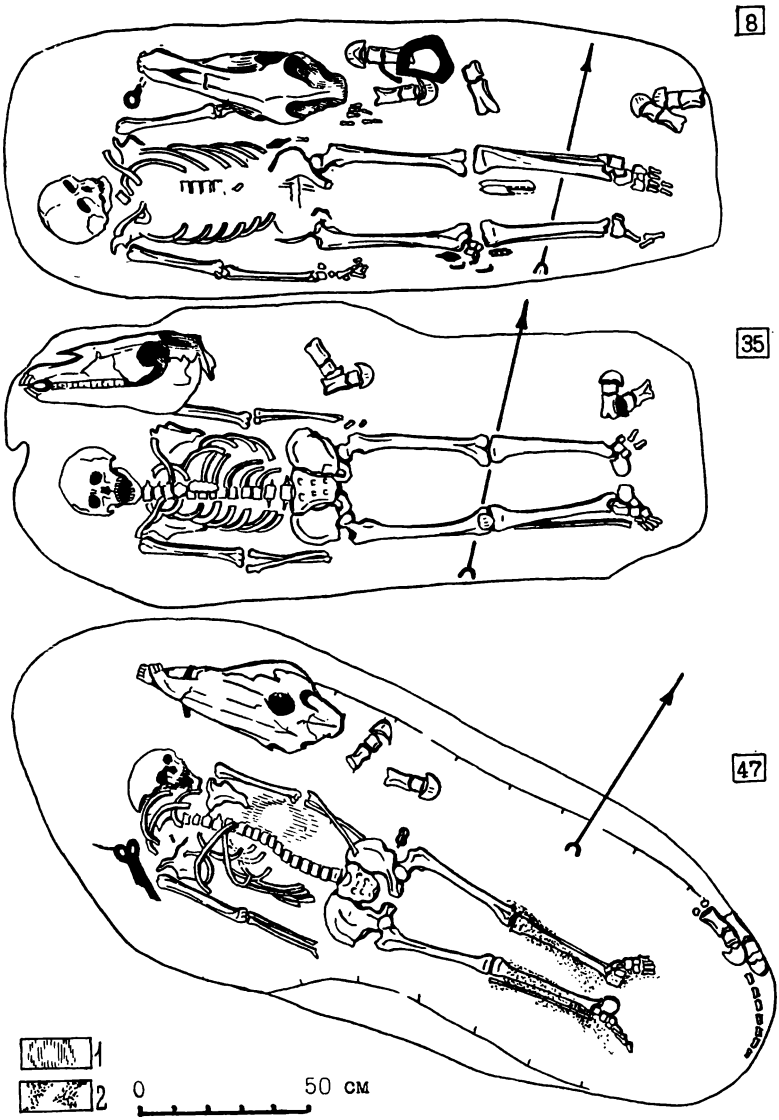

Рис.5. Погребения 4 типа. Условные обозначения: I - гнездо сурка; 2 - черный тлен от кожаной обуви (сапог?).

0,3 м, или непосредственно над черепом человека (№ 48). Отчлененные бабки с копытами во всех трех погребениях были небрежно брошены в засыпку над ступнями ног человека (Рис.6).

Таблица 5

Погребения 4 типа

	№	5	8	I6	35/2	47	48	54	60
пол	Муж.	+	+	+	+		+	+	захоронения человека нет
	Жен.					+			
возраст	юный	?	?	+					
	возмуж.	?	?				+		
	зрелый	?	?		+	+		+	
антропол тип	европ.	?	?					+	
	смешанный (е+м)	?	?			+			
	монг.	?	?		+		+		
вещи	сабли			+					
	стрелы	+						+	+
	колчаны	+	+					+	
	луки		+						+
	удила б/п	+	+			+	+		
	удила с/п			+				+	
	стремена		+					+	
	пряжки подпр.							+	
	шпора		+						
	пряжки жел.	+				+			
	пряжки бронз.							+	
	ножи	+						+	
	кресала							+	
	ножницы					+			
	кост. пласт.		+						
	кости барана							+	+

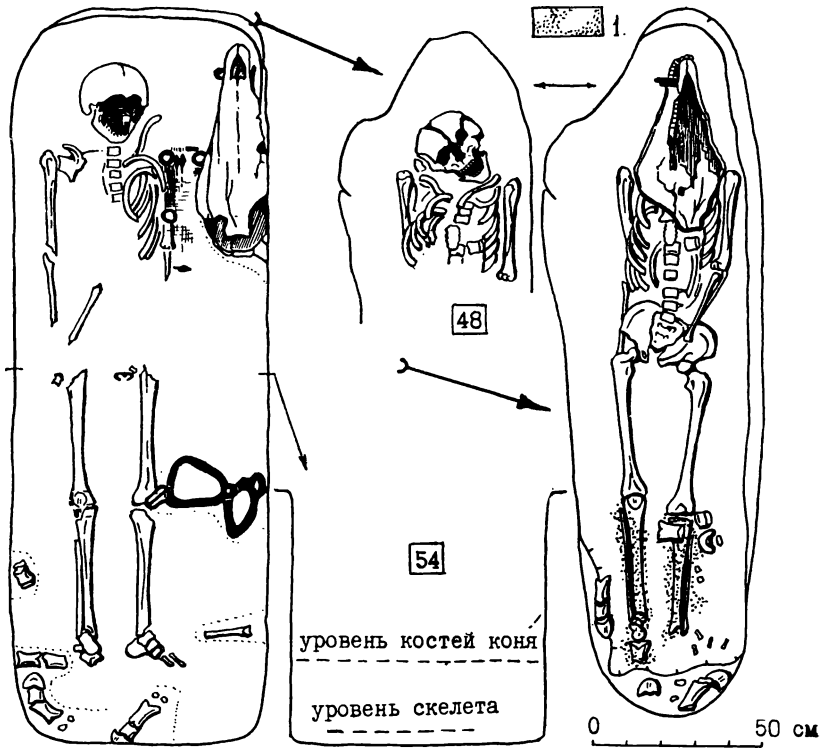

Рис.6. Погребения 4 типа. Условные обозначения: I - черный тлен от кожаной обуви.

№№	5	8	I6	35/2	47	48	54	60
смертельные раны	+					+		

Очевидно в этих могилах нельзя говорить о "сооружении" в могиле чучела коня. В засыпку просто помещали его части: голову, бабки с копытами и, вероятно, шкуру. То, что шкуру помещали в могилу и она как бы символизировала коня в какой-то мере подтверждается наличием в погребении к.54 на уровне костей лошади остатков седла - стремян и подпружной пряжки, лежавших примерно на том месте, где должна была находиться спина лошади. Лежавшая шкура с седлом на спинной части, даже не связанная воедино с головой и ногами, создавала большую видимость наличия коня.

Подавляющее большинство захороненных - мужчины, возраст их различен, но преобладают в типе зрелые люди. К сожалению, возраст двух и антропологический тип трех из погребенных остались невыясненными. Говорить о преобладании какого-либо антропологического типа в такой ситуации вряд ли правомерно, однако существенно, что монголоиды здесь занимали заметное место. Важно также отметить, что оба монголоида, несмотря на принадлежность к категории всадников, похоронены весьма скромно: без вещей. Даже женщина "смешанного" типа (полумонголоид) была погребена без украшений. Кроме пряжки и ножниц при ней ничего не было (№ 47). В то же время единственный мужчина-европеоид сопровождался оружием, ножом и кресалом, поясом с бронзовой пряжкой, седлом (№ 54).

К этому типу по основному выбранному нами признаку - отчленению только нижнего сустава ног относится и погребение, обнаруженное под курганом № 60. В нем не было захоронения человека. В мелкой могильной яме неопределенных очертаний были уложены только череп и бабки с копытами двух передних ног. Поскольку череп сохранился фрагментарно (только часть нижней челюсти и затылочная кость), то, возможно, задние ноги, как и основная часть головы, были еще в древности вытащены собаками или волками из мелкой могилы, покрытой совсем небольшим глиняным холмиком. Вместе с останками коня в яму уложен был лук, от которого сохранились срединные костяные накладки, стрела и мясо барана,

от которого в могиле осталась бедренная кость.

Погребения конских останков с небольшим количеством вещей хорошо известны в степях. Очевидно, это кенотафы - захоронения в память убитых в походах воинов, которых невозможно было доставить на родовое кладбище. Таким образом, трое из семи мужчин в этом типе погребений - убитые в боях воины: у мужчины погребенного под к.5 отсечена голова [Плетнева, 1963. С.219. Рис.3], у мужчины к.48 теменная кость рассечена саблей, а третьего (№ 60) даже не смогли похоронить - он остался где-то на поле боя.

Следует отметить, что в двух могилах четвертого типа (№№ 54 и 60) выявилась еще одна особенность погребального обряда, не встречавшаяся в предыдущих типах, а именно- к седлам были, видимо, приторочены запасы мясной пищи: куски баранины, от которых,в обеих могилах сохранились бедренные кости молодых барашков.

К пятому типу относятся погребения с чучелами коней, ноги которых отчленены по третий сустав, что создавало впечатление значительно большей "наполненности" могилы костями лошади (Табл. 6; Рис. 7,8,9). Очевидно и чучело было более реалистичным. В пяти погребениях кости лошади лежали слева от человеческого скелета, на дне могилы (Рис.7,8). Могилы более просторные, чем предыдущие, и потому череп коня не касался костей человека, один раз голова коня была уложена даже в свободном пространстве над головой похороненной женщины, правда, ближе к левой стенке могилы (№ 37). Ноги коней, как обычно пишется в полевых отчетах, уложены в "анотомическом порядке", что означает их расположение в тех местах, где они были бы, если бы в могилу была уложена полная туша коня: передние ноги - на уровне таза погребенного человека, задние - у нижних костей его ног (у берцовых или у ступней). В пространстве между передними и задними ногами, ближе к передним, находились обычно остатки седел: стремена и подпружные пряжки. Удила, как и у коней в погребениях четвертого типа, зажаты обычно между челюстями конского черепа, то есть конь, как правило, укладывался взнузданным.

В одном из погребений этого типа чучело коня по какой-то причине было помещено не слева, а справа от человека (Рис.9; № 56), а еще в двух они лежали на низеньких "приступках", оставленных слева в могильной яме (Рис.9; №№ 41,43).

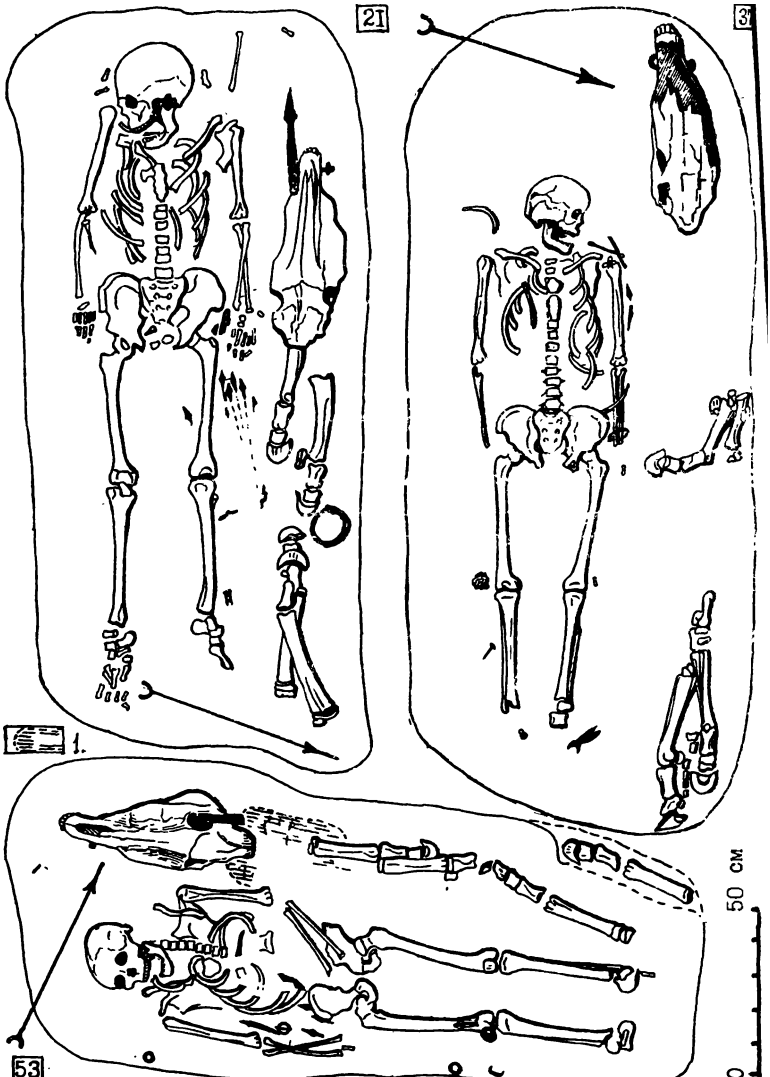

Рис.7. Погребения 5 типа. Условные обозначения: I - коричневый тлен от дерева (седло?).

Таблица 6

Погребения 5 типа

	№	21	34	37	40	41	43	53	56	45
пол	муж.	+	+		+	+	+	+	+	захоронения человека нет
	жен.			+						
возраст	возмужалый	+	+	+		+	+	+	+	
	зрелый				+					
антроп тип	европеоиды		+	+	+	+	+	+	+	
	смешанный (е+м)	+								
ВЕЩИ	сабля		+							
	стрелы	+	+		+		+	+		
	колчаны	+	+		+		+	+		
	луки				+					
	копья	+						+		
	удила б/п		?	+		+	+	+	+	+
	удила с/п	+	?		+					
	стремена		+		+	+			+	
	пряжки подпр.	+	+							
	ножи						+			+
	кресала	+					+		+	+
	кремни	+					+		+	+
	ножницы			+						
	браслеты			+						
	перстень			+						
	подвески			+						
	бубенчики			+						
	серьги			+						
	пряжки жел.				+	+		+		
	пряжки бр.					+				

№№	21	34	37	40	41	43	53	56	45
кость барана				+					+

Большинство погребенных в захоронениях этого типа - возмужалые мужчины, европеоиды или смешанного типа (европеоидного с монголоидностью).

К этому типу относится и погребение чучела коня без человека (Рис.8; № 45). В отличие от аналогичного кенотафа в четвертом типе, это захоронение сохранилось очень хорошо, поскольку могила была довольно глубокая. Яма выкопана небрежно, с неровными стенками и дном, однако она достаточно просторная, кости коня лежали в ней свободно, чучело занимало всю площадь могилы. От седла остался кусок коричневого тлена на дне ямы, рядом с которым были положены нож, кресало и кремешок. Там же в области "спины" чучела была обнаружена бедренная кость барана - запас пищи в дорогу.

Следует отметить, что погребения пятого типа наиболее богаты разнообразным инвентарем. Так, помимо удил с чучелом коня нередко помещались седла, воины сопровождались оружием, а единственное женское погребение - богатым набором украшений: золотым перстнем и серьгой, серебряным с чернью наручем, разными бронзовыми предметами одежды и пр.

Все это позволяет говорить о том, что погребения пятого типа принадлежали самой богатой и, очевидно, влиятельной части общества: воинам-всадникам. Они много богаче не только "безлошадных" погребений, но и погребений четвертого типа. Последнее дает нам право предполагать, что степень отчлененности ног коня при изготовлении чучела может быть показателем степени экономической обеспеченности кочевника.

Этот вывод находит подтверждение и при исследовании погребения 19/56 (Рис.10). Погребение принадлежало очень богатой женщине-европеоиду зрелого возраста. Она сопровождалась двумя золотыми кольцами-серьгами, электровой гривной, серебряными пластинчатыми браслетами, серебряным "жезлом власти", сделанным из половины крученой пластинчатой гривны, а также взнузданным и оседланным чучелом коня. Ноги у него отчленены по колена. Видимо, родичи умершей могли позволить себе такое "расточительство" мяса. Известно, что забитые во время похорон кони съедались на

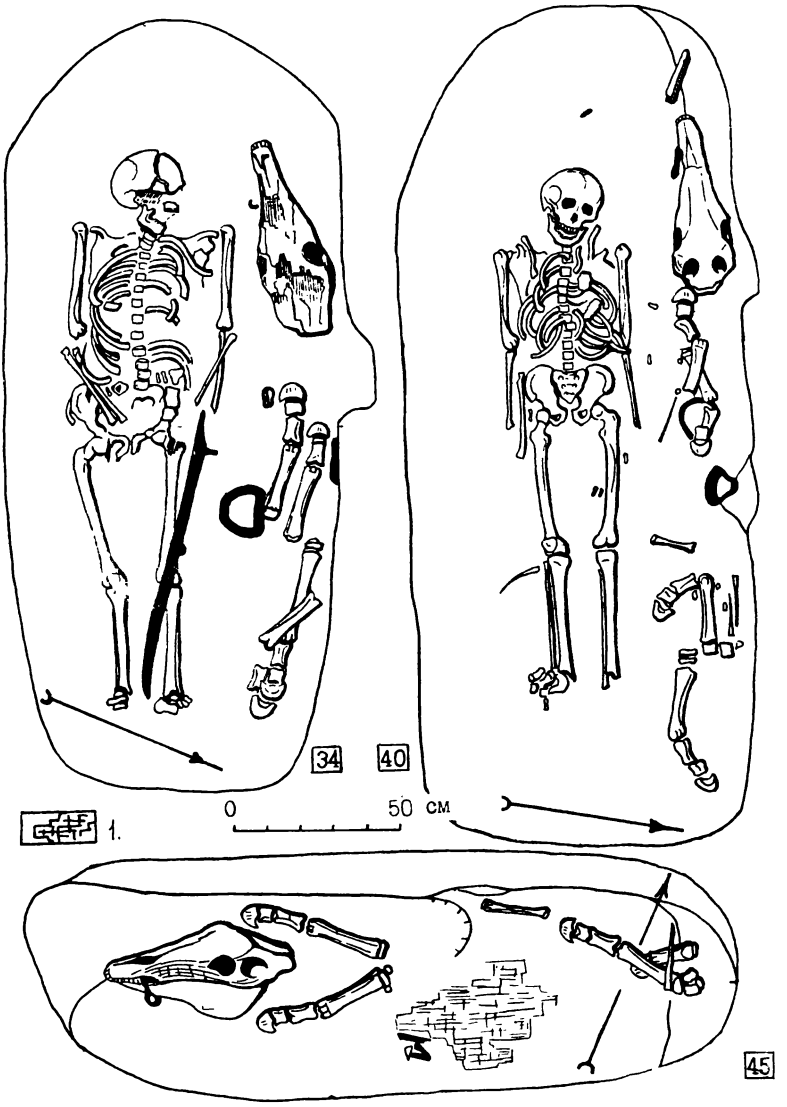

Рис.8. Погребения 5 типа. Условные обозначения: I - коричневый тлен от дерева (седло?).

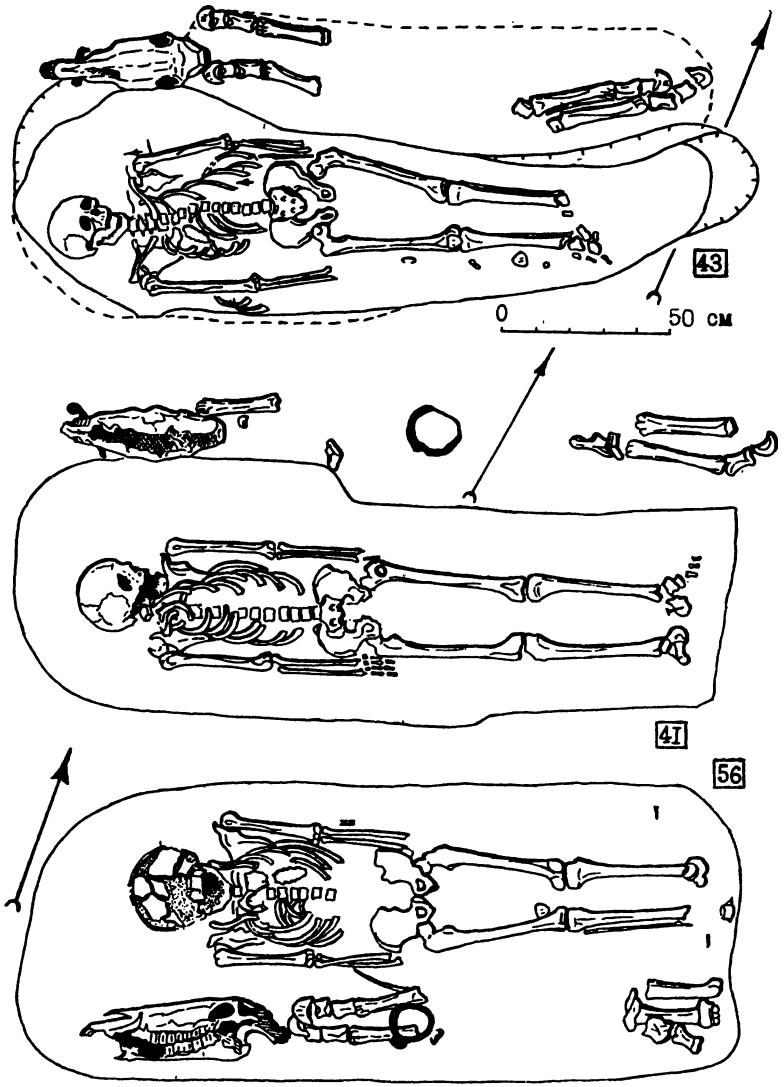

Рис.9. Погребения 5 типа.

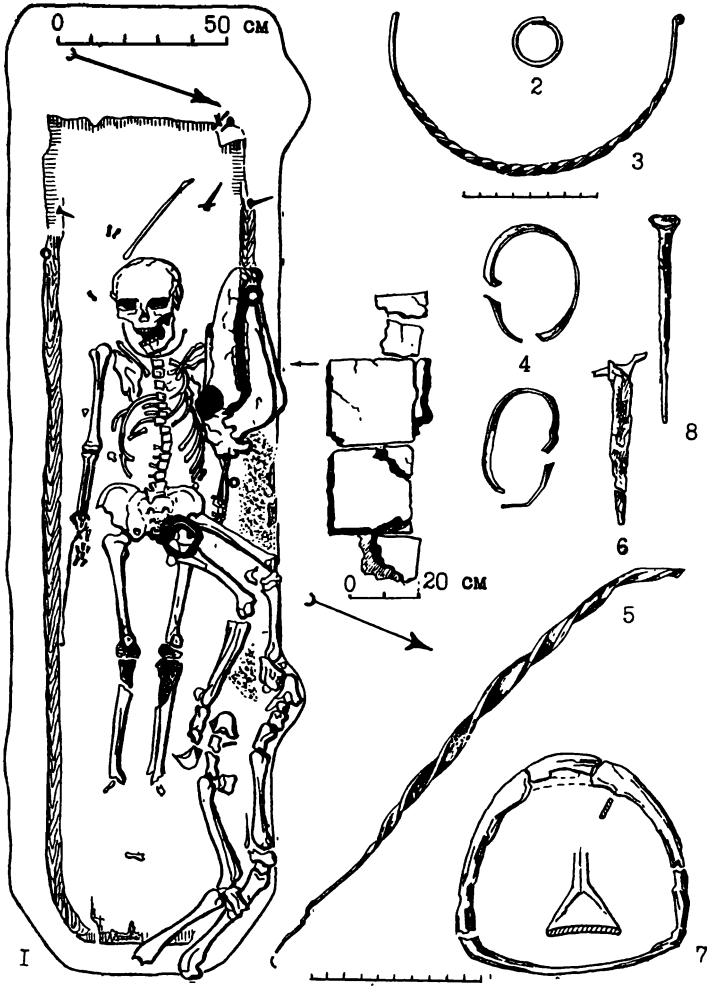

Рис.10. Подкурганное погребение 19/56 и инвентарь из него: I - золотая серьга, 2 - электровая гривна, 3-4 - серебряные браслеты, 5 - серебряный "жезл власти", 6 - железный нож, 7 - железное стремя, 8 - железный гвоздь.

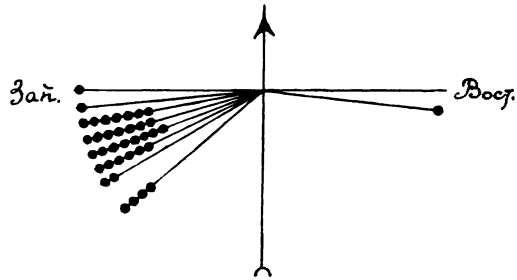

Рис.II. Сводный "граф" ориентировок погребений в курганном могильнике и на окрестных холмах.

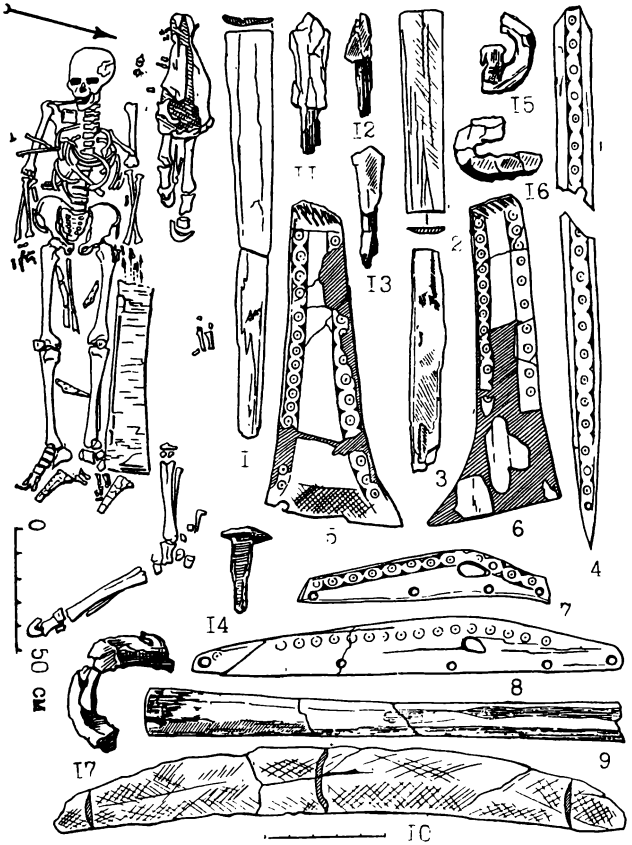

Рис.I8. Погребение на вершине насыпи I8 и инвентарь из него: I-4 - костяные накладки на колчан, 5-6 - костяные накладки на обувь, 7-8 костяные петли колчана, 9-I0 - костяные накладки на лук, II-I3 - железные наконечники стрел, I4 - железный гвоздь, I5 - обломок железной пряжки, I6 - обломок железного кресала, I7 - обломок кольца от удил.

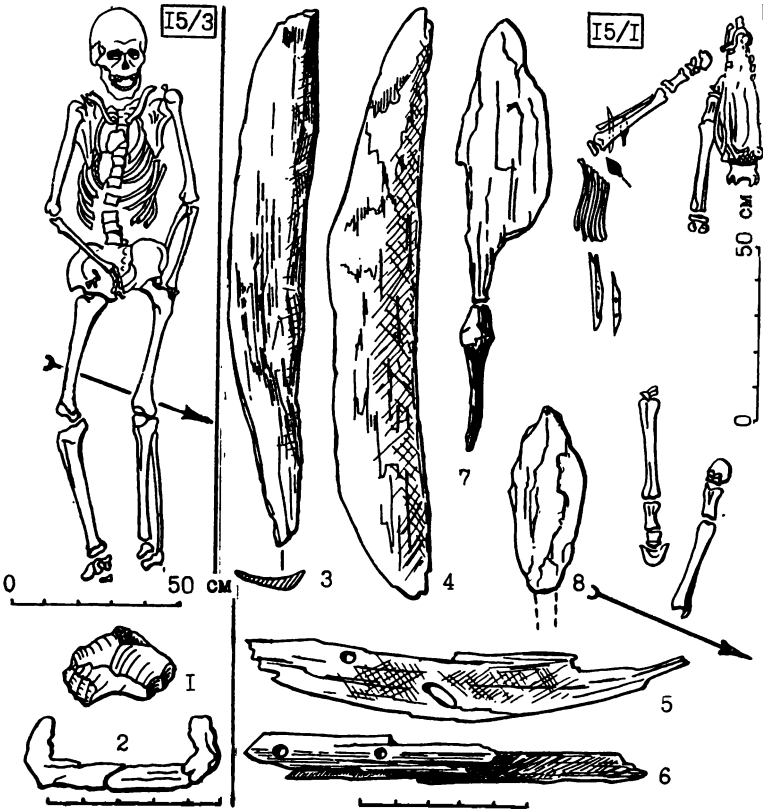

Рис.I3. Погребения в насыпи I5 и инвентарь из них: I-2 - кремень и железное кресало из погребения 3; 3-4 - костяные накладки на лук, 5-6 - костяные петли колчана, 7-8 - железные наконечники стрел.

поминках и поэтому все съедобные части туши старались максимально использовать в пищу.

Заключая характеристику подкурганных захоронений, следует отдельно упомянуть четыре погребения, не вошедшие в пять выделенных выше типов. Все они раскопаны были в 1934-1936 гг. (№№ I,2,3,7) и ни описаний, ни чертежей-планов могил не сохранилось. Известны их антропологические определения (пол, возраст, антропологический тип), дошли до нас и вещевые комплексы, включающие в себя оружие, бытовые предметы и части сбруи: удила и стремена. Вполне возможно, что погребения принадлежали воинам-всадникам, захороненным с чучелами коней. Тем не менее, отсутствие полных сведений не позволило включить их в какой-либо из выделенных типов, хотя сохранившиеся данные учитываются мною ниже, при типологии вещей и характеристике отдельных групп и подгрупп могильника.

Помимо подкурганных погребений вокруг города были разбросаны погребения кочевников, похороненных без сооружения над ними курганов. Обычно их размещали в насыпях, которые, как говорилось, тянулись вдоль внешнего рва городища. Сплошное исследование всех этих громадных песчаных и глиняных холмов было абсолютно невозможно. Тем не менее, поскольку в южных насыпях обнаружен был большой беловежский могильник, почти все остальные насыпи шурфовались для выяснения распространенности этого могильника. В юго-западных и западных насыпях аналогичного кладбища не было, зато попадались кочевнические "впускные" захоронения. Они были подробно описаны и опубликованы [Плетнева, 1963. С.233, 234. Рис.I2,I3].

Одно из них принадлежит к пятому типу. Воин зрелого возраста, многолоид, был погребен в могиле на самой вершине насыпи I8, головой на юго-запад со стрелами в берестяном колчане, украшенном орнаментированными тонкими накладками и "петлями", с луком, ножом, кресалом (Рис.I2). Слева от него было уложено чучело взнузданного коня. Судя по отсутствию стремян и подпружной пряжки седла не было. У ступней были обнаружены костяные, украшенные, как и колчанные, циркульным глубоко врезанным орнаментом, тонкие накладки наклеенные на обувь (отверстий для нашивки нет). Накладки настолько хрупки, что явно не могли быть украшением обуви живого человека. Очевидно, обувь была посмертной и накладки играли роль не столько "украшательскую", сколько

"престижную". Они были, наряду с аналогичными колчанными, частью так называемого "элитарного комплекса", подчеркивая особое, видимо, довольно высокое положение погребенного воина [История первобытного общества, 1988. С.383].

К этому же типу захоронений относится и погребение чучела коня на вершине насыпи I5 (Рис.I3). Конь был взнуздан, вместе с ним были положены лук, колчан с двумя стрелами и баранья грудинка (запас пищи в дорогу, от которого сохранилось пять ребрышек).

Характерно, что оба эти захоронения, относимые нами к пятому типу, располагались в верхней части насыпи, причем в настоящее время почти на поверхности, поскольку насыпь за тысячелетие сильно развеяна и вершина ее, естественно, оплыла.

Третье "впускное" погребение было обнаружено также в насыпи I5, но в ее нижней части (Рис.I3). Принадлежало оно мужчине возмужалого возраста смешанного европеоидно-монголоидного типа и сопровождалось кресалом с кремешком. Подобные погребения в могильнике мы относили ко второму типу. Очевидно подчиненное положение в обществе не позволило похоронить его поблизости от кенотафа: его поместили значительно ниже, что зримо давало в древности представление о его более низком социальном уровне.

Несомненно особый интерес представляют близкие территориально к курганному могильнику четыре погребения кочевников, произведенные на беловежском кладбище - в насыпи I9 [Артамонова I963. С.I64-I66, I68. Рис.II0-II2, II4].

Все четыре погребения по антропологическим типам и по общему набору сопровождающего инвентаря несомненно принадлежат к той группе населения, что и люди, похороненные на могильнике (Табл.7; Рис.I4). Однако, почти в каждом из погребений и в целом в группе прослеживается ряд черт, отличающих их от подкурганных захоронений. Так, в погребении I5 возмужалый мужчина-монголоид уложен головой на Восток, что не характерно для саркельского и беловежского могильников, в которых, кроме этого случая, всего один раз встречено погребение (детское) с такой ориентировкой [Артамонова, I963. С.I22]. Похоронен он в досчатом гробу, справа от которого помещены ноги коня, отчлененные по третий сустав (пятый тип). Головы коня обнаружено не было. Судя по расположению костей ног (задние - у головы, передние - у таза), она должна была находиться у ног погребенного, т.е. чучело коня

Таблица 7

Погребения на беловежском кладбище (насыпь I9)

	№	I5	22	26	29
пол	муж.	+			
	жен.		+	+	+
возраст	возмуж.	+	+		
	зрелый			+	+
антроп. тип	европеоид		+	+	+
	монголоид	+			
ВЕЩИ	луки	+			
	колчаны	+	+		
	удила с/п		+		+
	стремена			+	+
	пряжки подпр.	+		+	
	кольца жел.	+	+	+	
	сбруй. бляшки	+			
	ножи	+		+	+
	кресала	+			
	гребни				+
	серьги			+	
	бусы	+		+	
	подвески	+			
сифилис			+		

имело противоположную покойнику ориентировку - головой на Запад. Отсутствие головы в данном случае следует, видимо, объяснять, во-первых, малой глубиной могильной ямы и, во-вторых, расположением ее на вершине насыпи (воин, несмотря на позорную болезнь, занимал видное положение в обществе). Насыпь, как и все остальные аналогичные "холмы", с течением времени сильно

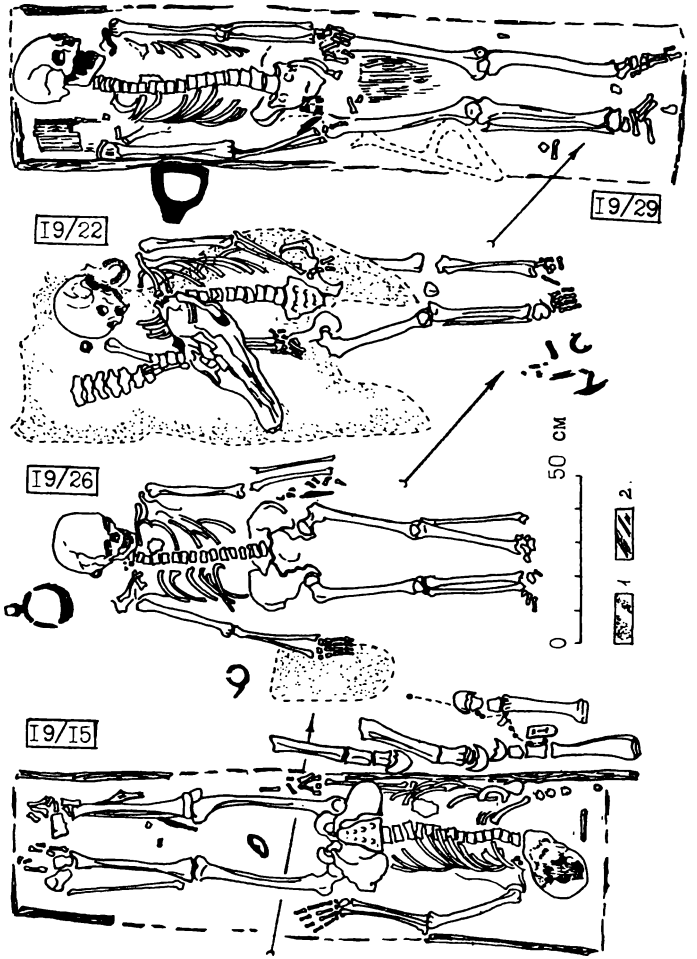

Рис.I4. Погребения кочевников на беловежском кладбище (насыпь I9).

"оплыла" и череп коня, обычно лежавший в яме выше остальных его костей, оказался на поверхности и был расщеплен.

В этом погребении необычны не только ориентировка человека и расположение чучела коня, но и вещи, сопровождающие захоронение. В гробу с покойником были положены: у головы- костяная палочка, сделанная из расщепленной вдоль трубчатой кости, тщательно отшлифованная с одной насечкой на выпуклой поверхности; у левого плеча - ромбическая подвеска из лазурита и янтарная бусина; у правой голени - массивная костяная лунницевидная подвеска с крестообразной прорезью. Несмотря на то, что погребение было совершено с чучелом коня и отнесено по остаткам последнего к пятой группе, оружия в захоронении не было. С покойником были помещены только бытовые предметы (ножик, кресало) и амулеты-подвески, игравшие, видимо, роль защитников и целителей от страшной болезни, поразившей умершего. Отсутствие оружия, возможно, объясняется именно причиной смерти - оружие высоко чтили воины-кочевники и его нельзя было осквернять.

У задних ног коня была обнаружена массивная костяная сильно потертая подпружная пряжка и там же был брошен ремешок с восемью круглыми бронзовыми, обтянутыми серебряной "фольгой", бляшками. Было ли это украшение сбруи или обрывок воинского пояса, который также, как и оружие, не захотели положить в гроб покойнику и тем более - оставить его "опоясанным" - неясно.

Рядом с ним, также на вершине этой насыпи, было совершено еще три явно кочевнических захоронения женщин-европеоидов среднеазиатского типа. Все они, в отличие от мужчины, похоронены были в соответствии с обрядом, принятым в этом регионе, - головами на юго-запад. Слева от мужского захоронения в обширной, небрежно выкопанной могиле была погребена старуха, как и мужчина, больная сифилисом (22). Возможно, это была его жена, умершая позже мужа лет на 20. Уложена она была без гроба. Над ней поперек могилы на свернутой шкуре, отпечатки которой хорошо прослеживались на глинистой засыпке могилы, была брошена голова коня без нижней челюсти, а на дне могилы, справа от покойницы лежали шейные позвонки лошади, возможно, бывшие останками запаса мясной пищи, оставленной этой женщине, а не частью коня, предназначенного для передвижения и службы на том свете. Этот "ездовой" конь был представлен в могиле не только верхней частью черепа и отпечатками шкуры, но и беспорядочной кучей не-

восстановимых железных предметов в ногах погребенной, среди которых можно было еще при расчистке погребения выделить "крылатые" псалии удил с перегибом, аналогичные удилам из к.54, и обоймицы-пластинки, скреплявшие, судя по отпечаткам на них дерева и кожи, какой-то предмет, вкорее всего - седло.

Два других женских погребения были совершены слева от женского (26) и справа от мужского (29), составляя вместе с ними единый ряд. Обе похоронены без коней. Погребение в могиле 26 принадлежало женщине зрелого возраста. Погибла она, возможно, от перелома позвоночника (поясничного позвонка). Похоронена без гроба, но с сопровождающими вещами, свидетельствующими о ее далеко не рядовом положении, а именно - серебряными височными кольцами, несколькими стеклянными бусинами и, что особенно важно, - остатками седла в виде пятна темного тлена под правой рукой, подпружной массивной пряжкой рядом с ним и стременем в головах. Кроме того, слева у таза был обнаружен ножик со следами деревянных ножен и железное колечко, служившее, видимо, какой-то соединяющей частью пояса.

Женское погребение в могиле 29 было совершено в гробу и принадлежало женщине зрелого возраста с атрофией верхней челюсти и резким выступанием нижней, что при жизни, естественно, создавало весьма отталкивающее впечатление. В гроб к женщине были положены: у левого запястья ножик в деревянных ножнах, а вдоль правого бедра какой-то деревянный предмет, от которого сохранился только отпечаток на дне. Возможно, это был музыкальный струнный инструмент (струны были натянуты в замкнутую треугольную его часть). Над тазом женщины в заполняющей глине были обнаружены отпечатки двустороннего деревянного гребня, а у правого плеча - обломки удил. Вне гроба (справа) было положено в могилу стремя.

Таким образом, в двух последних погребениях чучела коней были заменены их сбруей. Как и сами чучела, сбруя "символизировала", наличие целого коня и, после захоронения, эти части коня и его сбруи становились на том свете целым оседланным животным. Однако вполне возможно и иное объяснение: чучела коней в обоих случаях были поставлены над могилами. Именно так ставили, согласно свидетельству Ибн-Фадлана, чучела коней гузы: "... возьмут его лошадей и в зависимости от их численности убьют из них сто голов, или двести голов, или одну голову и съедят их

мясо, кроме головы, ног, кожи и хвоста. И право же, они растягивают (все) это на деревянных сооружениях ..." [Ибн-Фадлан. С.128]. Обычай оставлять череп убитой на похоронах лошади на шесте над могилой сохранился у многих кочевых народов вплоть до конца XIX в. и даже позже. И хотя археологи чаще фиксируют погребения чучел коня в могиле рядом с человеком, случаи захоронений одной сбруи без останков коня также нередко в степях и вполне вероятно, что сбруя в таких захоронениях предназначалась для коня, стоявшего над могилой.

Как бы там ни было, но, видимо, все четыре захоронения принадлежали одной кочевнической семье, которой, несмотря на их очевидное язычество, разрешено было быть погребенными на христианском беловежском кладбище. Правда, среди самих беловежцев сохранилось много языческих верований, о чем говорит в первую очередь почти сплошное ритуальное разрушение скелетов, а также многочисленные, нередко положенные вместе с крестиками языческие амулеты. Этим, вероятно, объясняется и терпимость к верованиям кочевников, две из которых были, возможно, женами беловежцев.

Остановимся, исходя из конкретных материалов могильника, на той роли, которую играли пол и особенно возраст погребенных при определении социальной значимости человека. Так, в пятом типе погребений, объединившем наиболее "богатую" и, очевидно, влиятельную часть общества, преобладали воины возмужалого возраста, то есть находившиеся в расцвете сил (25–40 лет), в четвертом типе (более скромном экономически) возрастной показатель более неустойчив (от юного до зрелого), так же обстоит дело и в третьем типе, в который к тому же входят и старики. Весьма значима возрастная разница между юношами, похороненными по обрядам четвертого (№ 16) и третьего типов (№ 59). Первый - юный воин 18–20 лет похоронен с чучелом коня и саблей, второй - мальчик 14–15 лет, несмотря на принадлежность к достаточно обеспеченной семье, еще не всадник. По-видимому, посвящение в воины-всадники происходило где-то в возрасте 16–18 лет. Характерно, что детские захоронения произведены без сопровождающего инвентаря, во всяком случае такого, который мог бы сохранится в могиле. Однако, не только из-за отсутствия инвентаря погребения производят впечатление исключительно "бедных". Все они находятся в мелких, небрежно выкопанных тесных могилах под

маленькими насыпями или вообще без них (впускные). Все это говорит о бесправности (незначительности) этой части населения, это еще такие члены рода, которые не имеют перед ним обязанностей, а потому не пользуются и никакими правами.

Этого нельзя сказать о людях, исполнивших свой долг (в основном воинский) перед обществом - о стариках, похороненных в захоронениях третьего типа (№№ I0/2, 49) - без чучел коней, но с личным оружием (луком со стрелами), которым они, как и все кочевники, владели виртуозно и, очевидно, доказали это в прошедших битвах. Однако, они уже не были воинами-всадниками и потому их похоронили без чучел коней.

Не исключено, что воины зрелого возраста, несмотря на несомненно большой опыт и как-будто бы больший в связи с этим вес в военизированном обществе кочевников, ценились меньше молодых и сильных воинов. Правда, этот вывод подкрепляется весьма малым количеством данных, а именно: в пятом типе погребений всего один воин зрелого возраста из семи, а в четвертом - два из четырех. Количество погребений в целом так незначительно, что высчитывать % и делать определенные заключения было бы некорректно, но это наблюдение о меньшей значимости людей зрелого возраста подтверждается распространением их захоронений в погребениях второго и особенного первого типов, в которых они составляют около половины.

Помимо людей зрелого и старческого возраста (в том числе двух женщин - к.38/I,2) в группу беднейших входили и возмужалые мужчины и женщины, составлявшие примерно 50% всех безынвентарных захоронений. Этот факт представляется весьма важным, поскольку позволяет предполагать появление в исследуемом нами обществе наряду с возрастными каких-то экономических или социально-экономических критериев его деления.

Женские захоронения могильника дают дополнительные материалы для такого заключения. Так, к наиболее богатым погребениям могильника относятся два женских захоронения: возмужалого (№ 37) и зрелого (насыпь I9/56) возраста. Обе они, невзирая на разницу в возрастах, одинаково сопровождаются золотыми и серебряными предметами явно высокопрестижного характера, подчеркивавшими высокое положение и влиятельность похороненных женщин при жизни. Третье погребение, также принадлежавшее немолодой (зрелой) женщине, было совершено с чучелом коня (четвертый тип), что также

говорит о принадлежности ее к достаточно обеспеченной или влиятельной части общества. В то же время погребение возмужалой (молодой) женщины под курганом 6 было лишено вещей и произведено в мелкой могиле с неровными стенками, что может быть показателем бедности и общественной незначительности погребенной.

Таким образом, по женским погребениям общественное неравенство выявляется весьма отчетливо. Женские погребения как бы "отраженным светом" освещали истинное положение в обществе. Женщины принадлежали к семьям, мужчины которых находились, вероятно, на разных ступенях воинской или общественной (а в военизированном обществе это одно и то же) иерархии и могли в соответствии с этим обеспечивать женщин, входивших в их семью. Может быть и иное объяснение: женщина могла играть самостоятельную роль, иногда даже стоять во главе семьи (в случаях гибели или отсутствия мужчины). Естественно, что это были пожилые опытные женщины возмужалого и зрелого возрастов (от 30 до 60 лет). Их хоронили с особым почетом.

В заключение раздела о погребальном обряде следует сказать, что очень интересные данные были получены при изучении останков коней. В подавляющем большинстве убитые на похоронах кони были молодые особи-крепконогие большеголовые "степняки", типичные для стад кочевников вплоть до наших дней. Исключения были единичны. Так, при женском захоронении кургана 37 были обнаружены останки старого коня с тонкими, удлиненными конечностями и небольшой головой. Видимо, некоторые кочевники имели возможность пользоваться дорогими тонконогими скакунами, доживавшими у них до глубокой старости. Такие кони нуждались в стойловом содержании, то есть их могли заводить только те, кто мог проводить зиму на зимнике с необходимым для прокорма таких коней запасом сена и ячменя. То, что Белая Вежа служила именно таким стационарным зимником находит подтверждение в устойчивой "зимней" ориентировке погребений - головами на Запад с более или менее южным отклонением. Условиями захоронения зимой (промерзшей землей) объясняется и недостаточная глубина и небрежность (неровность) выкопанных могильных ям. Кладбище было зимним. Такие могильники возникали только у стационарных

стойбищ, на которые приходили постоянно из года в год. На лето кочевники отходили в степь и всех умерших летом хоронили, видимо, на местах летних кочевок, скорее всего - в насыпях больших древних курганов, разбросанных по степи. Постоянных летних кладбищ, очевидно, не было.

ГЛАВА П

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ

В статье 1963 г., посвященной этому памятнику, были даны достаточно подробные описания, а, в случаях множественности одновидовых вещей, и классификация предметов, относящихся к различным категориям, в основном оружию и конской сбруе. Однако, за прошедшие четверть века вышел ряд работ по древнерусскому и кочевническому (степному) оружию, которые позволяют пересмотреть некоторые сделанные мною ранее наблюдения и датировки.

Все найденные в могильнике вещи относятся к четырем категориям: оружию, конской сбруе, украшениям и бытовым предметам (Рис.15-27).

Оружие представлено саблями, наконечниками копий и стрел, остатками луков и колчанов.

Обе обнаруженные на могильнике сабли (№№ 16,34; Рис.20) отличаются прежде всего фактически абсолютным отсутствием изогнутости: оба клинка прямые с прямыми (параллельными клинку) рукоятями и прямыми перекрестиями. Длина их клинков 73-82 см, ширина 3-3,5 см, концы заостренные, обоюдоострые, как у шпаг. Особенно напоминает шпагу более тонкий и длинный клинок из погребения к.34. С саблями оба клинка сближает только однолезвийность. Аналогии этому типу данного вида известны в древностях IX - первой половины X вв. [Корзухина, 1950. С.75. Табл. П, 6-8; Табл.Ш, 4 а, 9; Мерперт, 1955. Рис.1-5]. Немного более поздние сабли из древнерусских памятников, из венгерских могильников, относящихся к эпохе "завоевания родины", которые можно датировать X - нач.XI вв., отличаются от них большей длиной, легкой, но уже заметной изогнутостью клинка и рукоятью немного отклоненной в сторону лезвия [Корзухина, 1950. Табл. Ш, 5-8; Табл.IУ]

Единственное целое копье, обнаруженное в погребении к.21

с пером удлиненно-треугольной формы и массивной, расширяющейся книзу втулкой (Рис.I9) относится по классификации А.Н.Кирпичникова к типу Ш. Наиболее близкий вариант к копью к.2I этот автор датирует IX - началом XI вв. [Кирпичников, I966. С.I2-I4. Рис.I]. Дата сильно растянута, но очевидно, наибольшее распространение эти копья имели в X в, а венгерский исследователь Л.Ковач считает, что большинство находок таких копий в Венгрии относится к рубежу IX-X вв [Ковач, I98I. С.I4]. Так же датируются подобные наконечники в Сибири [Худяков, I980. С. 52,59. Табл.X]. Аналогии им обнаружены в беловежском слое конца X - начале XI вв. [Сорокин, I959. Рис.30]. Второй наконечник сохранился настолько плохо, что судить о его первоначальном типе очень затруднительно. Скорее всего это было так называемое "втоковидное" копье (№ 53. Рис.25). Аналогии таким копьям хорошо известны в древностях Черных клобуков, в целом относящихся к концу XI-XII вв [Плетнева, I973. Табл. 3,I и Табл.I5,5]. Однако, в восточных регионах степи они датируются значительно более ранним временем, а именно - IX-X вв. [Худяков. С.55. Табл. X,4. С.59].

Самой распространенной находкой в могильнике являются наконечники стрел. Эти мелкие и к тому же часто лежавшие вплотную друг к другу предметы сохраняются в погребениях очень плохо. Поэтому мы не всегда можем говорить об их форме и типе. На могильнике обнаружено всего 37 наконечников, 33 из них определимы. Наиболее удачным хронологизированным сводом наконечников стрел до сих пор является вышедшая в I966 г. книга А.Ф.Медведева. Согласно его классификации все 33 наконечника делятся на две группы: плоские и граненые. Вторая группа представлена всего двумя наконечниками (к.34. Рис.20). Что касается первой группы, то следует разделить ее на две подгруппы: собственно плоские (с параллельными гранями) и уплощено-ромбические в разрезе. По форме пера стрелки можно разделить на ромбические, ассиметрично-ромбические с удлиненными бьющими сторонами и три наконечника (№ 54 и погребение в насыпи I8) с укороченными бьющими гранями (Рис.I2,24). Несмотря на типологические различия все они имеют широкие аналогии в памятниках IX-X вв. [Медведев, I966. Табл.I3-I6]. Эта дата подтверждается и данными Д.С.Худякова [Худяков, I980. С.I07. Табл.II].

Неоднократно в своих работах я останавливалась на описаниях

остатков и реконструкциях колчанов [Плетнева, 1963. С.246. Рис. 19]. Они основывались на находках двух колчанов исследуемого в данной работе могильника. Один из них - длинный и узкий футляр из бересты (насыпь 18) сопровождался двумя "петлями", из кости (Рис.12). Это пластины, имеющие вид сильно растянутых треугольников или полуовалов. Вдоль их выпуклой стороны вырезан орнамент: ряд из циркульных кружочков. Окантовка каждого кружочка врезана глубоко, в целом благодаря этому орнаментальная лента выглядит рельефно и очень нарядно, что усугублялось безусловно красной или черной краской-пастой, заполнявшей в древности все углубления резьбы этого орнамента. Вдоль прямых сторон обеих накладок прорезано по четыре круглых небольших отверстия для прикрепления их к какой-то, очевидно, кожаной основе, а на "вершине" треугольников вырезаны довольно большие продолговатые отверстия, сквозь которые продевался, видимо, тонкий ремешок. Хорошо прослеживается на краю отверстия сильная стертость - след ремешка. Такие петли, только более простые (без орнамента) были найдены в погребении-кенотафе в насыпи 15 и в погребении к.49 (Рис.15,23). Вероятно, в обоих погребениях находились берестяные колчаны, которые полностью истлели в довольно мелких могилах. Следует сказать, что в трех других курганах были обнаружены обломки тонких узких и длинных накладочек (№№ 1,3,10/1; Рис. 15,16,18). На одной из них довольно глубоко врезан орнамент, состоящий из ряда соприкасающихся вершинками ромбов (№ 3). В к.1, помимо узкой накладочки, найдена еще одна костяная пластинка с двумя рядами циркульного узора, а в к.8 - обломок такой же пластинки (Рис.17). Не исключено, что все они укреплялись на берестяных изделиях для придания им жесткости [Медведев, 1966. С.21]. Аналогии им известны в сибирских древностях УП-Х вв. [Худяков, 1980. С.114-116]. Также широко датируются и костяные петли от берестяных колчанов [Медведев, 1966. С.20. Табл.8,9]. Таким образом, помимо остатков берестяного колчана из погребения насыпи 18, такие колчаны или близкие им типологически были, вероятно, положены еще в пять могил.

Остатки совершенно иных, очевидно, кожаных колчанов были обнаружены в девяти погребениях. От колчана к.54 на дне могилы слева от скелета человека сохранилась полоса черного тлена от кожи шириной 12-13 см. (Рис.6,24). *In situ* на ней лежали три

кольца и несколько железных скобок, скрепляющих шов [Плетнева, 1962. Рис.19]. Все это дало возможность примерно восстановить форму колчана и способ его ношения. Такие же железные скобки, кольца и обломки колец были найдены, помимо к.54, еще в семи погребениях (кк.2,10/2,, 21,39,43,53, насыпь 19/22). В отличие от костяных, рассмотренных выше, деталей колчанов, железные датируются только ранним временем - УШ-Х вв [Медведев, 1966. Табл.7]. Характерны для таких колчанов железные или бронзовые крючки для дополнительного закрепления колчана, необходимого конному лучнику при быстрой езде. Бронзовые крючки, иногда с изящной отделкой литым узором - нередкая находка в салтово-маяцких и синхронных с ними древностях, хотя и в те столетия (УШ-IX вв.) преобладали простые железные крючья. В X в. были распространены только железные крючки. Обломок одного из них найден в к.2 вместе с железными скобами (Рис.15).

От луков в могилах сохраняются только их костяные части - накладки, увеличивавшие их прочность и упругость. Они обнаружены в восьми погребениях. Форма и размеры их весьма разнообразны: они, естественно, отвечали своему функциональному назначению, то есть какую часть лука и как они укрепляли.

Срединные накладки на лук можно разделить на два типа: I - парные боковые и 2 - соединенные боковая и фронтальная. В первом типе выделяется подтип тяжелых массивных, довольно грубо отделанных пластин с заостренными концами. Такие накладки известны в сибирских древностях, начиная с УП в [Гаврилова, 1965. Табл.31; Евтюхова, 1948. Рис.112; Худяков, 1980. Табл. XIУ. С.71]. Такие накладки использовались при изготовлении сравнительно небольших луков, основная нагрузка в которых приходилась на середину лука. В Сибири - у кыргызов они получили распространение в УШ-IX вв. [Худяков, 1980. С.73-74]. Интересно, что в обоих погребениях с такими луками (10/2 и 49) захоронены старые мужчины-европеоиды (Рис.1. 23).

Примерно такие же накладки (подтип 2) немного более "облегченные", более тщательно отшлифованные и тонкие были найдены в кенотафе насыпи 15 (Рис.13). Еще более тонкие овальные накладочки следует, видимо, выделить в третий подтип (№ 60. Рис.25). Эти накладки аналогичны накладке из Тмутаракани, датированной знаком Мстислава Владимировича, умершего в 1036 г., концом X - началом XI вв. Правда, накладочки из к.60 имеют еще

дополнение в виде небольшого костяного вкладыша, увеличивавшего пружинность лука. Появление таких вкладышей А.А.Гаврилова относила к XIII-XIУ вв. [Гаврилова, 1965. С.88]. В сибирских древностях вкладыши сочетаются с поздними лопатообразными срединными накладками. Наша находка вкладыша вместе с накладками, относящимися в основном к X в (аналогии им в большом количестве известны также в сростинских памятниках IX-X вв.), позволяют на несколько веков удревнить это изобретение лучников.

Второй тип луков - с одной боковой и одной фронтальной накладкой встречен в двух захоронениях воинов-монголоидов (к.3 и погребение в насыпи I8). В первом погребении боковая накладка небольшая овальная, типологически аналогичная предыдущей паре накладок (Рис.I6). Фронтальная тоже небольшая прямоугольная, фронтально изогнутая. Д.С.Худяков считает, что такие луки появились у кыргызов в IX в, возможно, под влиянием уйгуров. Были такие луки и у кимаков в то же примерно время [Худяков, 1986. С.I8I-I83]. Все они характеризовались небольшими размерами и были приспособлены для скоростной стрельбы конных скачущих воинов. Совсем другого вида луки были снабжены накладками из погребения насыпи I8. Накладки тяжелые и длинные, что говорит и о величине самого лука. Прямых аналогий этим накладкам пока неизвестно, но следует учитывать, что всю вторую половину I тыс. н.э. лук постоянно совершенствовался и соответственно изменялся. Этим и следует объяснять большое типологическое разнообразие накладок.

Возможно не случайны и различия этого оружия у разных возрастных групп населения и разных антропологических его типах. Однако малое количество материала не дает возможности сделать определенные выводы.

В двух погребениях (№№ 8 и 40) были обнаружены оригинальные боковые концевые накладки (Рис.I7, 22). Как правило, они должны быть довольно сильно изогнуты, а концы у выреза для тетивы - закруглены и отшлифованы, поскольку они были видны на поверхности лука, обрамляя его концы. Именно такие накладки известны повсеместно в памятниках сибирских и восточноевропейских степей.

Накладки из к.8 изогнуты слабо, они широкие, прямоугольные с небрежно подрезанным краем и мелким вырезом для тетивы. Лук с такимиокончаниями явно имел массивные тяжелые концы. Близкие

им типологически накладки, только отшлифованные и орнаментированные, известны в памятниках X - начала XI вв. [Медведев, 1966. Табл.4,5].

Накладки из к.40 абсолютно прямые, длинные, хорошо отшлифованные с округлыми окончаниями (Рис.22). Аналогии им изредка встречаются в восточноевропейских памятниках. По-видимому, прямые концы придавали луку еще большую упругость и при частых и сильных натяжениях ломались гораздо чаще, чем изогнутые, поэтому они и не нашли особенного распространения.

Создается впечатление, что накладки из обоих погребений представляют еще не окончательно сложившийся тип оружия, а скорее поиски наиболее эффективной и рациональной его формы. Это позволяет относить их ко времени не позже второй половины X в. - времени, как говорилось, поисков совершенствования этого сложного оружия.

Вторым важнейшим элементом экипировки всадника-воина после оружия была конская сбруя, от которой в курганных захоронениях остаются обычно только ее металлические части: удила от оголовья, стремена и подпружные пряжки от седел.

Удила и их остатки обнаружены в 24 погребениях, 16 из них сохранились достаточно хорошо для того, чтобы судить об их форме и типе. К первому типу относятся "удила без перегиба", состоящие из одного прута с неподвижными кольцами на концах, в которые вдеты подвижные кольца. Всего в этом могильнике их обнаружено девять (Рис. 16,17,20,21,23,25,26). Г.А.Федоров-Давыдов полагал, что поскольку их нет в слое Изяславля конца XII - начала XIII вв., то к этому времени они вышли из употребления в степях Восточной Европы. Далее он писал, что их нет в слое X-XI вв. в Белой Веже [Федоров-Давыдов, 1966. С.20]. Действительно, в слое городища их нет, но объясняется это скорее всего очень плохой сохранностью железа в Белой Веже, особенно в верхних ее слоях: обломков удил там обнаружено всего 18, причем почти все они относятся к салтовскому типу - с гвоздевидными псалиями [Сорокин, 1959. С.192]. Зато, как мы видим, их много в могильнике у Белой Вежи, который даже, судя по рассмотренному выше оружию, не может быть датирован позже середины, а точнее - первой четверти XI в. Интересно, что в другом районе распространения этих удил - в Поросье они также встречаются чаще с вещами, наиболее ранними для черняховских древностей: с пряжечкой X-XI вв., копьем X-XI вв., кресалом

того же времени [Плетнева, 1973. Табл. 3,18,33]. Таким образом датировка удил без перегиба только XII в. [Федоров-Давыдов. С. 104] представляется совершенно необоснованной в свете нового рассмотрения материалов беловежского кочевнического могильника, хотя безусловно в поросских-черноклобуцких древностях они в отдельных комплексах доживают до XII в.

Удила с перегибом состоят из двух коротких прутиков подвижно соединенных вставленными друг в друга петлями (Рис.15, 16,18,19,22). На противоположных концах прутиков в петли вставлены трензельные подвижные кольца. В целом, такие удила датируются очень широко: все первое и второе тысячелетия н.э., однако кольца меньшего диаметра (до 5 см) характерны для более ранней группы погребений, а удила с кольцами в 6-7 см - для поздней группы [Плетнева, 1973. С.15-19]. Для нас существенно то, что в беловежском могильнике нет ни одного экземпляра удил с кольцами, превышающими в диаметре 4,5 см. Единственными удилами этого типа (с перегибом), позволяющими говорить о более или менее точной дате их бытования, являются удила из к.54 (Рис.24), в петли которых помимо трензельных колец вдеты сложные так называемые "крылатые" псалии. Помимо к.54, удила с "крылатыми" псалиями были найдены в погребении 22 насыпи 19. Однако, они были зафиксированы только в дневнике и отчете, т.к. уже при расчистке погребения рассыпались в труху [Артамонова, 1963. С.166]. Аналогии им известны в погребении первой половины X в. Танкеевского могильника (на удилах без перегиба). На Руси (в Новгороде), в Поросье, в Прибалтике они попадаются и в более поздних комплексах [Кирпичников, 1973. С.16], но здесь важно, что самой ранней их датой можно считать первую половину X в.

X в. следует, вероятно, датировать девять мелких круглых бронзовых бляшек из погребения 19/15, украшавших уздечку. По краю они были орнаментированы ложной зернью. Внешняя их поверхность была обтянута тонким серебряным листом-фольгой. Этот технический прием был известен ювелирам в хазарское время, причем чаще он использовался именно при изготовлении сбруйных наборов. В погребении 15 бляшки сильно потерты, серебро на некоторых из них сохранилось только по краям, что свидетельствует о долгом их употреблении.

Стремян в могильнике (целых и сильно разрушенных) было обнаружено 18, из них 17 вполне определимы типологически.

Первый тип стремян с продолговатой (округло-удлиненной) дужкой, с выделенной специально для путалища петлей, отделенной от самого стремени перехватом, и выгнутой или прямой подножкой, укрепленной двумя, а чаще тремя, массивными "жгутами". Таких стремян на могильнике десять (кк. I,2,7,40,54,56; Рис. I5,I8,22,24,26).

Интересно, что одно из пары стремян в погребении к.54 выковано без укрепляющих "жгутов" (Рис.24). Видимо, ему не требовалось сильного крепления. Объяснить это можно только тем, что стремя не было основным, на него не опирались всей тяжестью. Второе же стремя (левое), служившее всаднику при посадке, естественно, имело трехжгутовое крепление. Правое стремя, в которое вдевалась нога уже сидящего в седле человека могло быть облегченным.

Стремена этого типа типологически близки стременам УШ-IX вв., получившим распространение по всей евразийской степи и, в частности, в донских степях [Плетнева, I967. С.I67. Рис.46, 7,8]. Однако, у стремян УШ-IX вв. всегда тщательно выкована петля для путалища, нередко снабженная бегунком для подтягивания ремня, сами они сделаны со значительно большей изысканностью (поздние экземпляры даже украшались серебряной насечкой), а подножка нередко для прочности, упругости и красоты бывала не выгнутой, а вогнутой. Тем не менее сходство этих стремян со стременами I типа очевидно. Мы можем уверенно говорить об определенной преемственности традиций в их изготовлении, а значит датируются они в пределах X в.

Вариантом стремян I типа является стремя из погребения к. 34, отличающееся от остальных расплющенностью (расковкой) верхней части дужки стремени, отделенной от подножки с двух сторон небольшими выступами (Рис.20). Венчает это стремя такие расплющеная круглая петля для путалища. Вариант представляет интерес потому, что он служит как бы переходным связующим звеном между стременами I и 2 типов.

Второй тип представлен шестью экземплярами (кк. I,3,8,2I и, видимо, 4I). Они округлой формы с широкой расплющеной дужкой, в верхней части которой прорезано отверстие для путалища (Рис. I5,I6,I7,I9,23). Дужка, как в варианте стремени типа I, отделена от подножки выступами. Подножки узкие, укреплены I-3 жгутами.

Поскольку встречаются они, очевидно, в одних комплексах

со стременами I типа (№ I), у нас нет оснований считать их более поздними. Однако ясно, что форма их образовалась в результате эволюции стремян I типа. Г.А. Федоров-Давыдов [1966. С. 12-15] относит удила первого типа к типу Б III, второго - А I и по аналогиям относит их соответственно к IX-XI и IX-X вв. [там же. С.104-106]. Точная копия варианту стремени типа I известна в одном из комплексов мрясимовских курганов, датируемом Н.А. Мажитовым XI-XII вв. [1981г. Рис.74]. Дата эта ошибочно завышена и, к сожалению, основана на ошибке Г.А.Федорова-Давыдова, относящего удила без перегиба, с которыми найдено это стремя, к XII в. и на моей ошибочной датировке, о которой будет сказано ниже.

Только одно стремя (погребение I9/56), правда очень плохо сохранившееся, можно как-будто отнести к третьему типу (по Федорову-Давыдову, Д II). Дужка у него расплющена только в верхней части, в которой пробито отверстие для путалища, подножка довольно массивная и широкая без креплений в виде дополнительных жгутов (Рис.I0). Г.А.Федоров-Давыдов датирует такие стремена очень поздним временем - XIII-XIУ вв. В древностях Черных клобуков стремена этого типа встречались редко, но всегда в ранней группе захоронений, относимой к первой половине - середине XII в. [Плетнева, 1973. С.16-18], а А.Н.Кирпичников полагает, что они распространились во второй половине XII в. [Кирпичников, 1973. С.45-46].

Довольно выразительный материал для датировки дают подпружные пряжки (№№ 5,2I,34,40,4I,47,53,54). Они железные, овальные довольно массивные с вогнутыми длинными сторонами. Язычок подвижный, закреплен на одной из коротких сторон (Рис. I6,I9,20,22,23,24,25). Между собой они различаются только размерами: длина четырех из них - 5-7 см, трех - 3,5-4 см. Вероятно, последние служили пряжками оголовья или же были просто поясными. По ближайшим аналогиям с заволжскими и южноуральскими древностями такие пряжки характерны для периода X - начала XI вв. [Мажитов, 1977. С.199], однако в аскизской культуре они доходят до XII в. [Кызласов И.Л. 1983. С.101. Табл.XIII]. Г.А.Федоров-Давыдов находит им широкие аналогии в памятниках УШ-XI вв., но не позже [Федоров-Давыдов, 1966. С.46. Рис.7], а А.Н.Кирпичников датирует их X-XI вв. [Кирпичников, 1973. С.77. Рис.43].

Для датировки могильника интерес представляет и единствен-

ная костяная пряжка, найденная в погребении I9/I5. Она массивная прямоугольная с одним закругленным концом и "антропоморфными" вырезами для закрепления железного язычка и ремня. Костяные пряжки не характерны для кочевников европейской степи, зато они являются постоянной находкой в сибирских средневековых комплексах. Формы их довольно разнообразны, типологически наиболее близки к пряжке, найденной на беловежском могильнике, пряжки, относимые А.А.Гавриловой к периоду УП-УШ вв. [Гаврилова, I965. Табл.3I]. Характерно, что пряжка из погребения I9/I5 очень старая - растрескавшаяся, сильно потертая, явно долгое время бывшая в употреблении.

Заключая раздел об экипировке всадника, следует упомянуть еще один предмет, правда, очень плохо сохранившийся, перержавевший и распавшийся на несколько частей (№ 8). Первоначально он представлял собой удлиненную скобочку с отходящим от ее "вершины" острием (Рис.I7). Сохранность вещи не позволяет уверенно говорить о ее назначении, но все же можно предполагать, что это была шпора, причем довольно четко датирующаяся X в. [Кирпичников, 1973. Рис.39]. Находка шпоры в кочевническом погребении - редчайшее явление, поскольку кочевники, видимо, вообще не пользовались этим дикарским способом обращения с лошадью [Федоров-Давыдов, I966. С.2I-22]. Плети, конечно, были, но, судя по многочисленным фольклорным сообщениям, их чаще использовали против врагов (в качестве оружия в битве и на охоте), а не для ударов по коню-другу [Липец, I984. С.8I-82, I83-I9I]. В кочевнических могилах у Белой Вежи вообще не обнаружено никаких предметов, которые можно бы было связывать с плетью-камчей. Дело в том, что сплетались они, естественно, из кожи, рукояти чаще всего делались из дорогого сандалового дерева или кости.

О возможном присутствии плети в женском погребении к.37 говорит обломок деревянной обтянутой синей кожей тополевой палочки длиной около I0 см, бывшей, вероятно, рукоятью кожаной плетки. Погребение богатое, относящееся, как мы видели, к пятой группе. В другом, также богатом женском захоронении (I9/56) был обнаружен зажатый в правой кисти женщины предмет, долгое время также считавшийся остатками плети [Плетнева, I963. С.252]. Это перекрученная в 7 витков серебряная пластина, сужающаяся к концу в тонкий четырехгранный дрот (Рис.I0). По существу,

эта пластина представляет собой половину обычной пластинчатой гривны, тщательно распрямленной, превращенной тем самым в какой-то неясного назначения жезл. Такие жезлы, сделанные из сломанных, видимо, специально гривен известны в настоящее время во многих кочевнических захоронениях. В одном из них такой жезл лежал в складках сохранившейся одежды. Если бы он был сплетен с кожей плети, то кожа сохранилась бы так же, как и ткань. Однако даже следов кожи не было рядом с этим предметом. По-видимому, к плети он не имел никакого отношения. Это был безусловно почетный жезл, помещавшийся в могилы только богатым и знатным воинам и их женам. По сопровождающему такие находки инвентарю погребения датируются не ранее XI в. Надо сказать, что и сами пластинчатые гривны, согласно Г.Ф.Корзухиной, относятся к выделенному ею IУ хронологическому этапу (70-е годы XI - начало XIII вв.)[Корзухина, 1954. С.31].

Несмотря на то, что пластина довольно массивная, в целом для какого-либо активного действия ею не могло быть и речи: она сломалась бы даже от сильного взмаха, не говоря уж об ударе.

Во многих могилах, при мужских и женских захоронениях были обнаружены ножики (в 15 комплексах). Они небольшие (дл. 10-13 см), сильно перержавевшие, на всех прослежены следы тлена от деревянных ножен и рукоятей. У ножика из к.39 деревянная рукоять обмотана серебряной проволокой (Рис.20). Хронологический диапазон таких ножиков-практически все средневековье.

Кроме ножей в двух женских погребениях (№№ 37,47) были обнаружены ножницы (Рис.21,25). В хазарский (салтовский) период в степях были распространены пружинные (овечьи) ножницы. Ножницы в беловежском могильнике - шарнирные, по классификации Федорова-Давыдова II или III типов, дата их от X до XIУ вв. и вплоть до наших дней. Правда, ножницы из к.47, у которых сохранились кольца, возможно следует датировать только X в., т.к. кольца не привареные (сплошные), а отогнутые [Федоров-Давыдов, 1966. С.84].

Из бытовых предметов, помимо ножей и ножниц, в погребениях попадались кресала, всего их обнаружено семь, типологически они очень разнообразны. Тип I - "калачевидное" - почти прямоугольное с закругленными углами, утолщением рабочей части в виде треугольного язычка, с незамкнутыми, но сходящимися, загнутыми

в завиток концами (№ 21. Рис.19). На Руси они были особенно распространены в X в [Каргер, 1950. С.85]. Близкое к этому типу кресало было обнаружено в одном из Карнаевских курганов X в. на Южном Урале [Мажитов, 1981. С.111. Рис.60]. Тип 2 тоже "калачевидное" (Рис.15,20,24,26) небольшое с крупным треугольным утолщением и изогнутыми несходящимися концами (№№ 1, 45, 54, 56). Они хорошо известны в древнерусских древностях XI-XII вв. Тип 3 - простая С-овидная скобочка с прямой рабочей частью и короткими вертикально отходящими от нее концами (Рис.17,23), очевидно, закреплявшихся в деревянной рукояти (№ 13,43). Аналогий этим кресалам мне неизвестны, только на городище, в синхронном могильнике беловежском слое X-XI вв. были обнаружены "скобы", близкие по форме и размерам кресалам, обнаруженным на могильнике [Сорокин, 1959. Рис.26,13,19].

К предметам, датирующимся также благодаря находкам аналогий в слое Саркела-Белой Вежи относится маленький шаровидный лепной горшочек, обнаруженный в заполнении могилы к.10 (Рис. 18). Орнамент на нем очень скромный, но аналогии ему, в более пышных вариантах (прочерченные гирлянды, наколы, насечки и пр.) украшают большую группу посуды, обломки которой и целые экземпляры в большом количестве попадаются на городище в слое второй половины IX - X вв [Плетнева, 1959. Рис.46,49], причем характерно, что, чем позднее (выше) в слое обнаружена находка такого сосудика, тем проще, даже скуднее узор на нем. Исходя из этого можно предполагать, что сосудик из к.10 следует относить к самому позднему времени бытования этой керамики на поселении, т.е. возможно ко второй половине X в.

В предыдущей главе мы видели, что на могильнике очень мало женских захоронений, а потому предметы, относящиеся к украшениям одежды или просто украшения - самые немногочисленные категории вещей на этом памятнике. Тем не менее, типологически они довольно разнообразны и нередко оригинальны. Так, весьма оригинальна серьга (или височное кольцо) из погребения к.37 (Рис.21). Она золотая, тяжелая кольцеобразная с напускной дутой тоже золотой бусинкой по"экватору" и в местах соединения с кольцом обвитая сканной проволочкой. Аналогии ей (бронзовые с литой бусиной) известны среди находок в Саркеле-Белой Вежи [Артамонов, 1935. Рис.5,34; см. Опись ВД-51, СI-398], а серебряные с напускной бусиной встречаются в беловежском могильнике,

остальные серьги - кольцеобразные золотые с заходящими концами (56/I9) и серебряные с несходящимися концами (I9/26) имеют многочисленные бронзовые и серебряные аналогии в беловежских погребениях, в слое Белой Вежи и других древнерусских городов и погребениях XI-XII вв.

Большой интерес для хронологии могильника представляет обнаруженные в к.37 браслеты (Рис.2I). Один из них витой из двух серебряных дротов с концами, украшенными ложной крупной зернью и вставками лазурита. Такие браслеты, как и лазуритовые вставки, начали изготовлять в начале XI в., что дает основание для датировки этого комплекса не ранее XI в., хотя в нем есть вещи более раннего времени. Прежде всего это второй браслет, вернее серебряный наруч, сделанный из двух половинок, соединенных шарниром. Обе части украшены простым узором-плетенкой. Узор литой, с прорезями. В углублениях узора, подчеркивая его, налита чернь, хорошо отшлифованная и потому почти полностью сохранившаяся несмотря на то, что сам браслет сильно поломан. Один из переломов старый, бывший еще при жизни владелицы: браслет чинили, пробив по краям излома небольшие дырочки, сквозь которые продергивался ремешок, скреплявший обломки. В 1963 г. я ошибочно отнесла этот браслет к серии древнерусских черненых наручей. С ними он имеет только внешнее сходство, особенно усугублявшееся черневым узором. В годы написания первой статьи об этом могильнике считалось вполне доказанным, что чернь на Руси, а значит и в Восточной Европе, появилась в XI в (на вставках браслетов), а обручи получили распространение на Руси в XII в. Поэтому обруч из к.37 уверенно относился к XII в. Эту ошибку вслед за мной повторил и Г.А.Федоров-Давыдов [1966. С.42]. На самом деле плетеный орнамент в сочетании с чернью был хорошо известен в степях в конце хазарского периода, то есть на протяжении всего X в. [Макарова, Плетнева, 1983. С.73-74. Рис.7]. Вещи того же стилистического круга попадались иногда и в комплексах начала XI в., например, погребение у Гаевки с монетой XI в. [Кирпичников, 1973. Табл. УШ-IX].

Браслеты, изготовленные из узкой и тонкой серебряной пластинки /19/56/, видимо, были непопулярны в степях. Прямых аналогий им пока неизвестно.

Почти так же уникален и золотой перстень из к .37. Он тяжелый с напаянным щитком. На щитке в цилиндрический ободок встав-

лена стеклянная вставка. Снаружи ободок перевит двумя рядами тонкой скани, а по периметру круглого щитка напаяна крупная зернь. Близкие этому перстни, только в серебряном исполнении, встречены на беловежском кладбище при двух мужских захоронениях [Артамонова, 1963. С.61. Рис.44].

По наблюдениям Г.Ф.Корзухиной вещи, украшенные зернью, появляются в Восточной Европе (после перерыва примерно в 250-300 лет) в X и вновь эта техника исчезает в XI в. [Корзухина, 1954. С.65-66]. Таким образом перстень из к.37 относится, видимо, ко времени не позже первой половины XI в.

В нескольких захоронениях могильника найдены были подвески, имевшие не столько декоративное, сколько какое-то "сакральное" значение.

Наибольший интерес представляет подвеска (№ 59), сделанная из ручки копоушки. Такие копоушки найдены в кочевнических погребениях X в. в Поволжье [Гаврилина, 1985], попадаются их обломки и в беловежском слое X-XI вв. Изображения на этой подвеске явно мистического характера: сложное соединение птицы, древа жизни, человека (женщины, судя по ромбу). Над этой фигурой помещен кружок (солнце?), а обрамлена она членистыми полосами, возможно, символизировавшими змей. Все это и дает основания считать вещь амулетом.

Вместе с такими копоушками и без них в поволжских кочевнических погребениях X в. нередки находки сложных ажурных подвесок [Федоров-Давыдов, 1966. С.67]. Обломки У типа таких подвесок (по типологии Федорова-Давыдова) найдены в двух погребениях могильника (№№ 37 и 59). Это четырехлопастные ажурные розетки (Рис.21,26). Один лепесток у них отломан, вероятно, с какой-то магической целью (лишение амулета части силы?).

К подвескам можно отнести и бубенчики, находки которых очень редки в могильнике (№ 37,59; Рис. 21,26). Два однотипных бубенчика - цельнолитые "грушевидные" с петлей сверху, крестообразной прорезью внизу, горизонтальным пояском и насечками на нижней грани в новгородских древностях X - начала XII вв. [Федоров-Давыдов, 1966. С.69-70]. Третий бубенчик - двусоставный литой, тоже грушевидный с петлей вверху и одной прорезью снизу. Поверхность бубенчика сплошь украшена орнаментом из выпуклых мелких кубиков и треугольником в центре. Аналогичные бубенчики попадаются, как правило, в тех же комплексах, что и

ажурные привески и копоушки и даже в более ранних, относящихся к IX-X вв. [Khalikova, Kazakov, 1977. Таблица II, 10]. Н.А. Мажитов, как уже говорилось выше, неверно датирует один из Мрясимовских курганов XI-XII вв., в котором, наряду с прочими вещами, находился орнаментированный бубенчик. Неверная датировка этого комплекса дана Н.А.Мажитовым по удилам без перегиба, которые Г.А.Федоров-Давыдов относит к XII в., а также из-за моей прежней ошибочной датировки серебряного обруча (тоже XII в.), обнаруженного вместе с орнаментированным бубенчиком в погребении к.37. Поскольку и удила и обруч следует относить к X - самому началу XI в., весь мрясимовский комплекс к.10, погр.4 соответственно датируются X в.

В одном из женских погребений была найдена гривна (19/56). Она золотая из четырехгранного витого жгута с несходящимися концами-петлями (Рис.10). Датируются такие гривны на Руси XII - началом XIII вв. [Корзухина, 1954. С.30].

Остальные находки, относящиеся к одежде - мелкие, единичные вещи, однако они представляют интерес, поскольку имеют широкие датированные аналогии. Так наременная бляшка из к.21 датируется X в [Каргер, 1950. С.89], лировидная пряжка к.54 близка к пряжкам древнерусских древностей X-XI вв. [Седова, 1981. Рис.56,5. С.144; Равдина, 1988. Табл.I,14], бронзовое поясное кольцо из к.41 функционально аналогично кольцам из беловежских могил XI в. [Артамонова, 1963. Рис.47,8,9,48; см. также Равдина, 1988. Табл. I,15].

Рассмотрев все датированные аналогиями вещи в могильнике, мы можем, во-первых, довольно точно отнести этот памятник к узкому хронологическому периоду: X-XI вв., во-вторых, датировать отдельные комплексы и, в-третьих, попытаться разделить комплексы на хронологические группы (Табл.8,9).

К самым ранним комплексам могильника относятся два погребения (№№ 10/2 и 49), в которых были обнаружены массивные накладки от ранних луков, появившихся в степях в VII в. и бытовавших вплоть до начала X в. На этом памятнике такие луки были анахронизмом, характерно, что и найдены они были в погребениях стариков. Впрочем, в погребении юноши (№ 16) также обнаружена была архаичная для времени захоронения юноши вещь - сабля, датирующаяся в основном IX в. Очевидно, старую вещь было не жаль положить в могилу. Хорошие клинки высоко ценились - они были

самым дорогостоящим оружием. Даже старое и ломаное оно могло быть использовано для перековки и поэтому наличие любой сабли в погребении всегда являлось свидетельством высокого (в экономическом и социальном отношениях) положения погребенного.

Такая же старая сабля была положена в погребении воина к.34, которое другими находками датируется скорее всего второй половиной X в. Именно к этому времени, варьирующему в его пределах или с небольшими "выходами" из него в конец IX или начало XI вв. принадлежит подавляющее большинство погребений могильника (Табл.9).

К более позднему времени - к XI и даже XII вв. мы можем отнести всего шесть захоронений. Четыре из них совершены, видимо, не позже первой половины XI в., одно (I9/26) относится к XI, может быть, началу XII вв., а погребение пожилой женщины I9/56 надежно датируется XII в. Следует напомнить, что именно в этом позднем богатом захоронении отчленение ног коня произведено по коленный сустав, что уже само по себе является поздним признаком, характеризующим погребения половецкой эпохи [Атавин, I984. С.I39-I40].

Разделение комплексов на хронологические группы является свидетельством того, что кочевнический могильник, расположенный у подножья беловежского кладбища, возник отнюдь не единовременно, а существовал на протяжении не менее полутора-двух веков. Здесь, как уже говорилось в предыдущей главе, хоронили только тех, кто умер в Белой Веже или был убит при ее защите. Этим объясняются небольшие размеры могильника. Однако, несмотря на сравнительно малое количество курганных захоронений, расположение их на площади могильника позволяет сделать ряд интересных выводов об этно-социальных отношениях людей, оставивших этот памятник.

Таблица 8

Сводная хронологическая таблица находок из погребений кочевнического могильника

№/№	I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5	I6	I7
	Сабли	Копья	Стрелы	Луки	"Крылатые псалии"	Стремена	Шпора	Пряжки	Кресала	Ножницы	Серьги	Гривны	Браслеты	Перстни	Подвески	Бубенчики	Горшочек
I9/56						XII					XI-XII	XII					
I9/26						IX-X					XI-XII						
I									XI-XII								
37											X-XI		X-XI	X	X	X-нXII	
45									XI-XII								
59															X	X-нXII	
3						X											
8				X-нXI		X	X										
40				X		X		X-нXI									
4I								X-нXI									
47								X-нXI		X							
5			IX-X					X-нXI									
I3									X-XI								
I5				IX-нXI													
I5/2			IX-X	X-нXI													

Таблица 8 (продолжение)

№/№	I	2	3	4	5	6	7	8	9	I0	II	I2	I3	I4	I5	I6	I7
2I		X-нXI	IX-X			X			X-нXI								
34	IX-X		IX-X			X		X-нXI									
43			IX-X						X-XI								
53		IX-X	IX-X					X-нXI									
54			IX-X		X	X		X-нXI									
60				IX-нXI													
2			IX-X			X											
7			IX-X			X											
I8			IX-X	X-XI													
39			IX-X														
56			IX-X			X											
I6	IX-X																
I0/2			IX-X	УШ-IX													IX-X
49			IX-X	УШ-IX													

Таблица 9

Сводная хронологическая таблица погребений могильника

века	№№ комплексов
XI-XII	I9/26, I9/56
X-XI	I,37,45,59
X-нач.XI	3,8,40,4I,47
IX - нач.XI	5,I5,I5/2,2I,34,43,53,54,60
IX-X	2,7,I8,39,56
IX-п.п.X	I6
УШ-X	I0/2,49

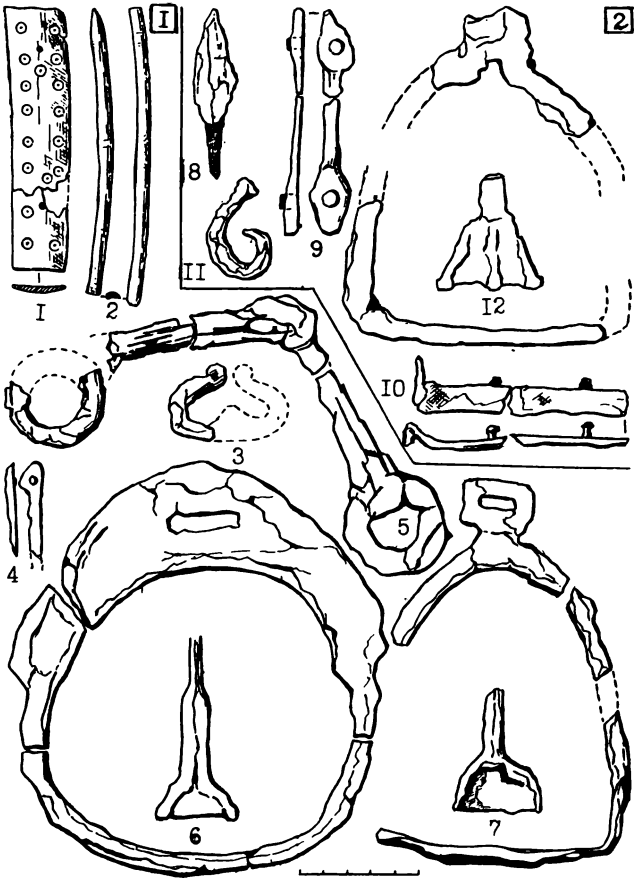

Рис.I5. Вещи из погребений курганов I и 2. I-2 - костяные накладки, 3 - железное кресало, 4 - обломок железной обоймы, 5 - железные удила, 6-7 - железные стремена, 8 - железный наконечник стрелы, 9-II - железные обоймы-скобы и крючок колчана, I2 - железное стремя.

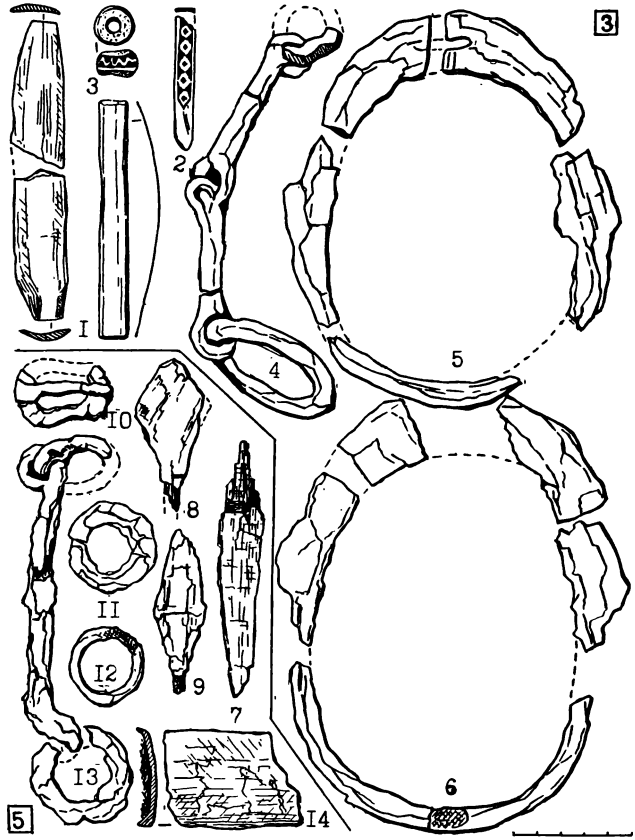

Рис.16. Вещи из погребений курганов 3 и 5. 1 - костяные накладки на лук, 2 - костяная накладочка с орнаментом, 3 - бусина из непрозрачного стекла, 4 - железные удила, 5-6 - железные стремена; 7 - железный нож, 8-9 - железные наконечники стрел, 10 - железная пряжка, 11-12 - железные кольца, 13 - железные удила.

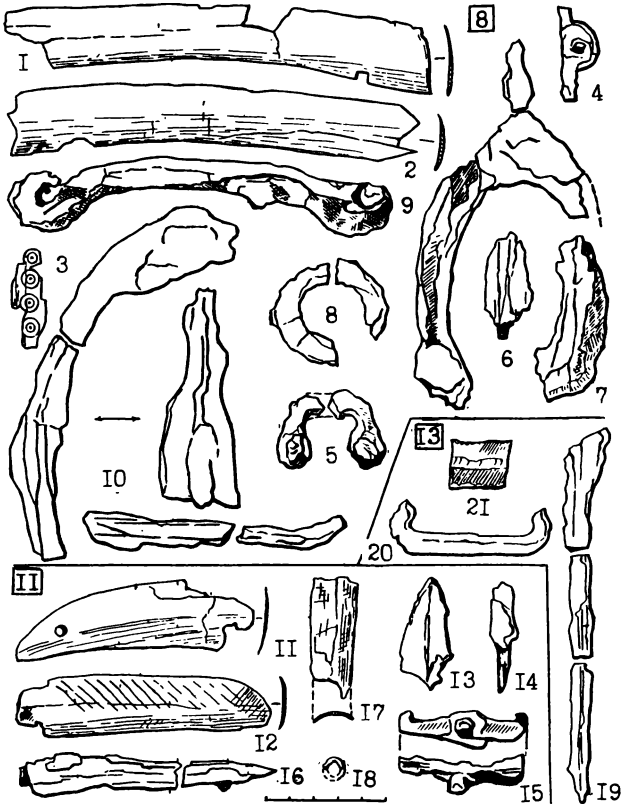

Рис.17. Вещи из погребений курганов 8,II,I3. I-2 - костяные накладки на лук, 3 - обломок костяной орнаментированной накладочки, 4-5 - обломок железных скобочек, 6 - железный наконечник стрелки, 7 - обломки железной шпоры, 8 - обломки железного кольца, 9 - железные удила, I0 - обломки железного стремени, II-I2 - костяные накладки (на лук?), I3-I4 - обломки железных наконечников стрелы, I5 - железная скобочка, I6 - железный нож, I7 - обломок костяной пластинки-обкладки ручки ножа (?), I8 - обломок бронзового колечка, I9 - обломки железного ножа, 20 - железное кресало, 2I - кремешок.

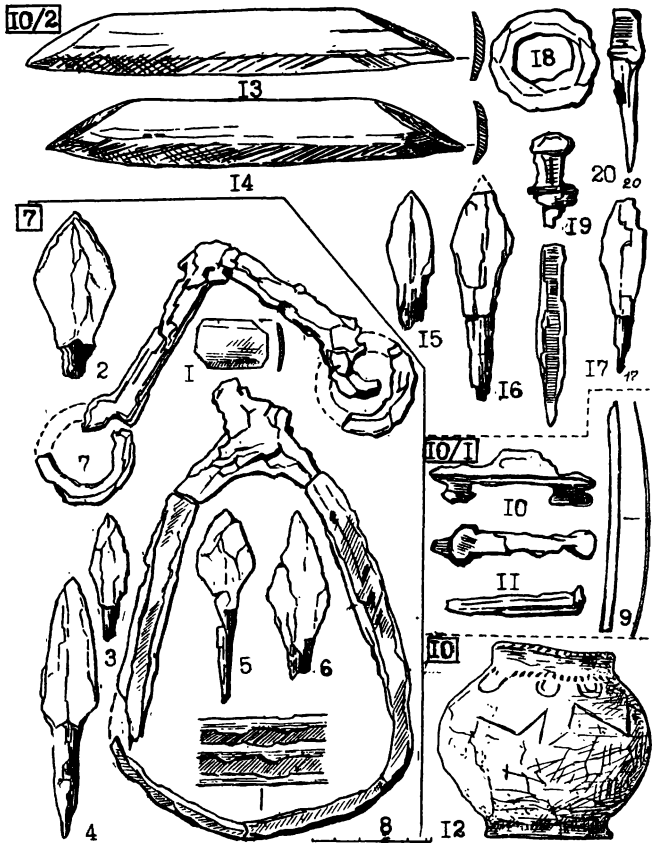

Рис.18. Вещи из погребений курганов 7 и 10. 1 - обломок костяной обкладки, 2 - 2-6 - железные наконечники стрел, 7 - железные удила, 8 - железное стремя; 9 - костяная накладочка, 10 - железная скобка, 11 - обломок железного стержня; 12 - лепной горшочек, 13-14 - костяные накладки на лук, 15-17 - железные наконечники стрел, 18 - железное кольцо, 19-20 - обломки железных стремней (гвоздей?).

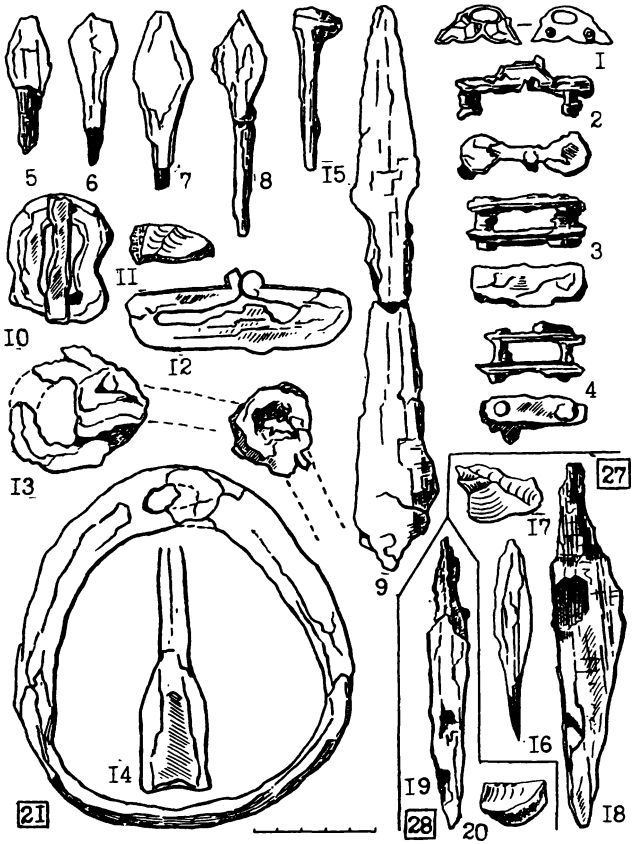

Рис. I9. Вещи из погребений курганов 2I,27,28. I - бронзовая бляшка, 2-4 - железные скобочки, 5-8 - железные наконечники стрел, 9 - железный наконечник копья, I0 - железная пряжка, II-I2 - кремешок и железное кресало, I3 - обломки железных удил, I4 - железное стремя, I5 - железный гвоздь, I6 - железный наконечник стрелы, I7 - кремешок, I8 - железный нож, I9 - железный нож, 2% - кремешок.

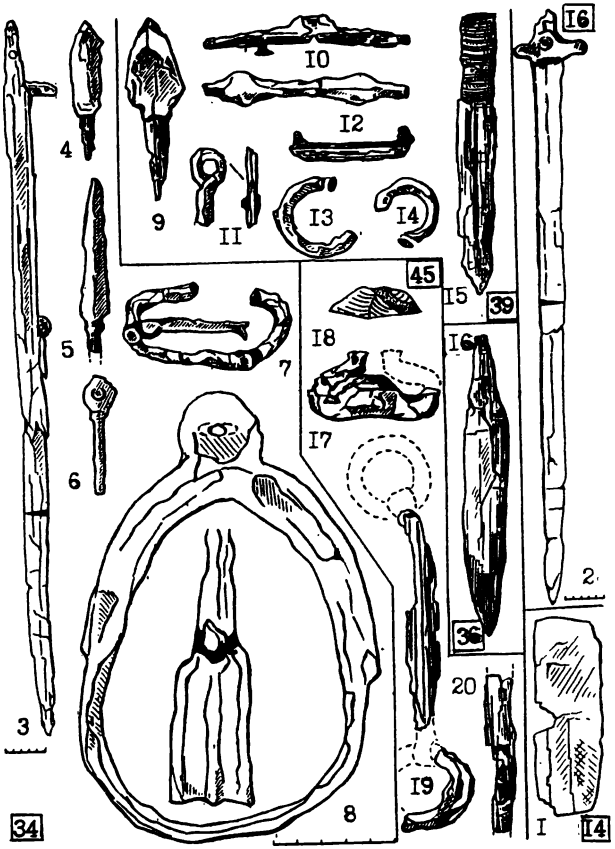

Рис.20. Вещи из погребений курганов I4,I6,34,36,39,45. I - обломок костяной накладки, 2 - железная сабля, 3 - сабля, 4-5 - железные наконечники стрел, 6 - обломок железной обоймы, 7 - железная пряжка, 8 - железное стремя; 9 - железный наконечник стрелы, I0-I2 - железные скобки и обломок скобки, I3-I4 - железные колечки, I5 - железный нож с проволочной серебряной рукоятью; I6 - железный нож; I7-I8 - кремешок и железное кресало, I9 - обломки железный удил, 20 - обломок железного ножика.

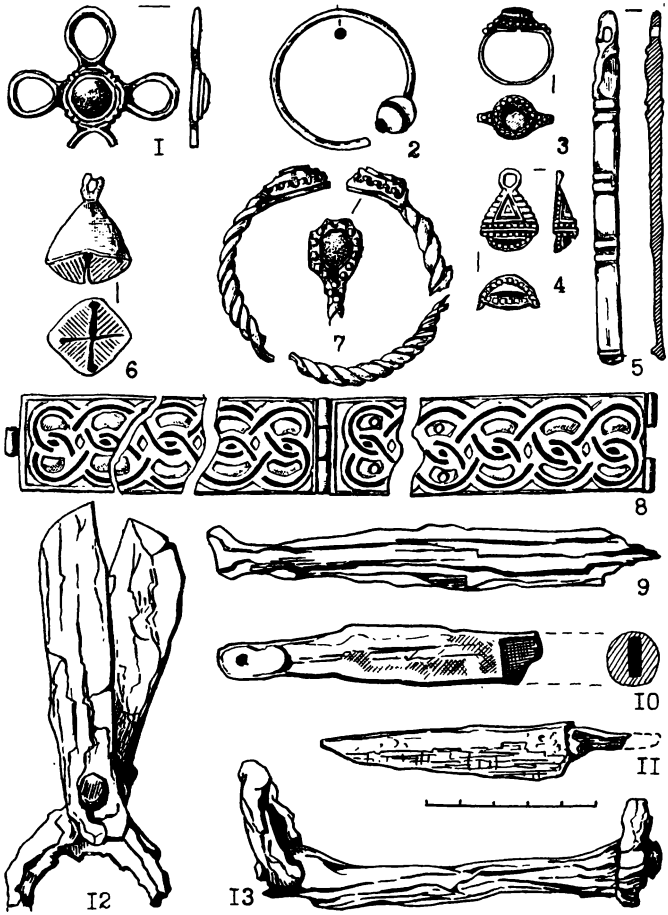

Рис.2I. Вещи из погребения кургана 37. I - ажурная бронзовая подвеска-амулет, 2 - золотая серьга, 3 - золотой перстень, 4 - бронзовый бубенчик, 5 - бронзовый стержень (амулет?), 6 - бронзовый бубенчик, 7 - серебряный браслет, 8 - серебряный с черным обруч, 9-I0 - железные стержни неясного назначения, II - железный нож, I2 - железные ножницы, I3 - железные удила.

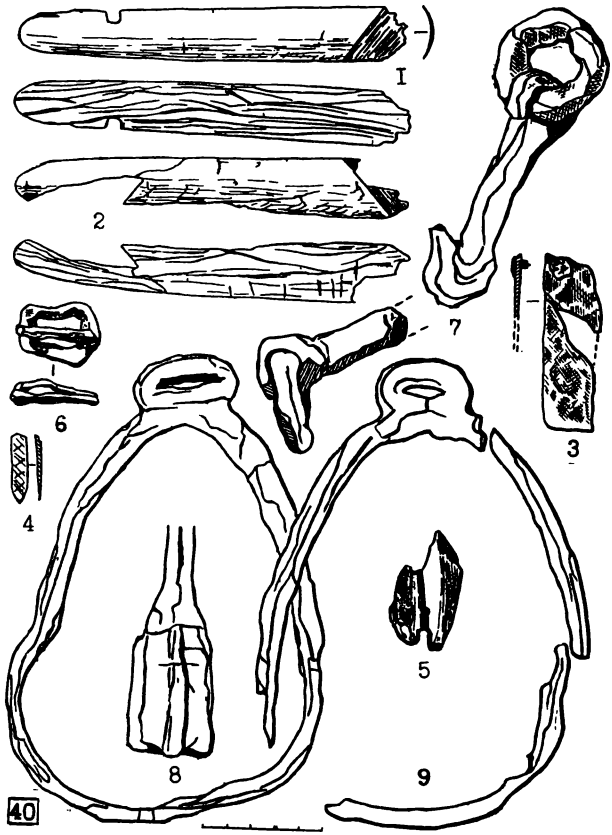

Рис.22. Вещи из погребения кургана 40. I-2 - костяные накладки на лук, 3-4 - обломки железных накладок, 5 - обломки железных наконечников стрел?, 6 - железная пряжка, 7 - железные удила, 8 - 9 - железные стремена.

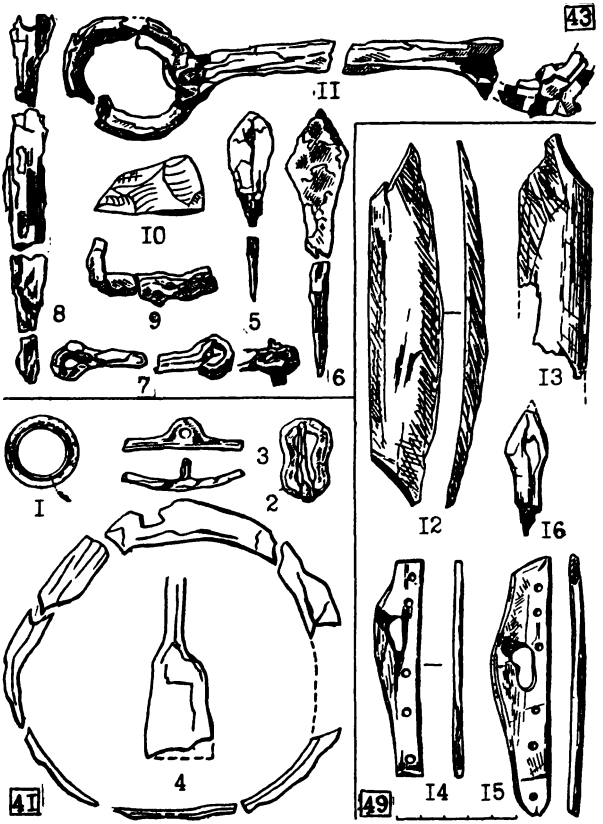

Рис.23.-Вещи из погребений курганов 41,43,49. I - бронзовое поясное кольцо, 2 - железная пряжка, 3 - железная скобочка, 4 - обломки железного стремени, 5-6 - железные наконечники стрел, 7 - обломки железной обоймы, 8 - обломки железного ножа, 8-I0 - обломки железного кресала и кремешок, II - железные удила, I2-I3 - костяные накладки на лук, I4-I5 - костяные петли колчана, I6 - железный наконечник стрелы.

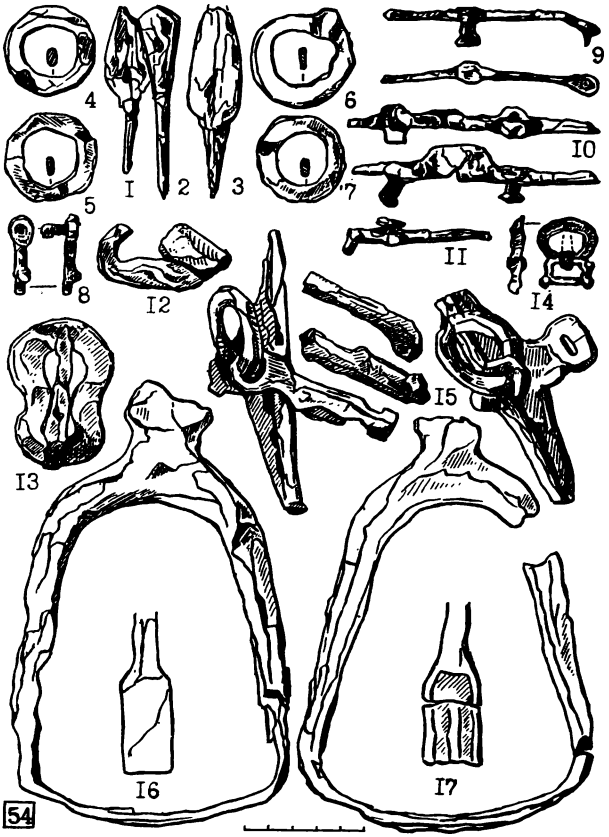

Рис.24. Вещи из погребения кургана 54. I-3 - железные наконечники стрел, 4-7 - железные кольца от колчана, 8-II - железные скобы от колчана, I2 - железное кресало с кремешком, I3 - железная пряжка, I4 - бронзовая пряжка, I5 - обломки железных удил, I6-I7 - железные стремена.

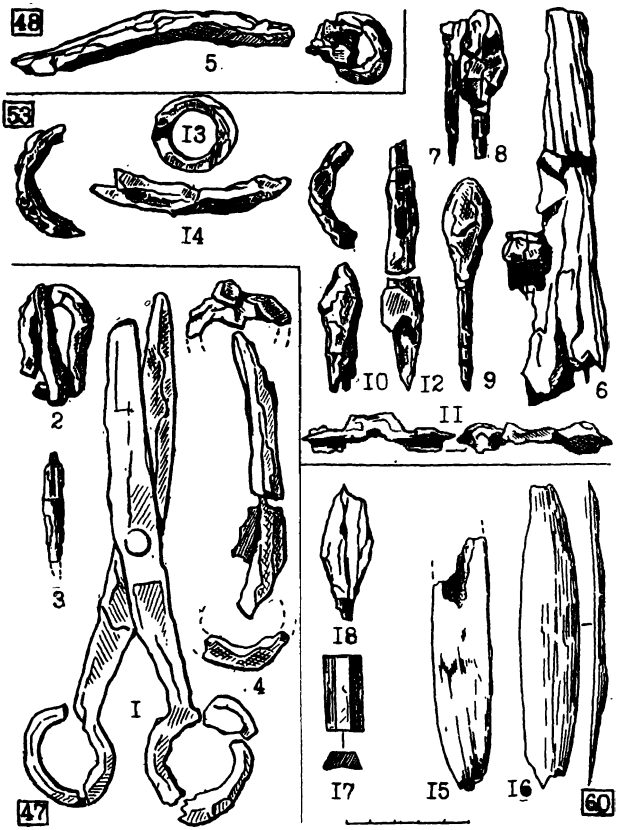

Рис.25. Вещи из погребений курганов 47,48,53,60. I - железные ножницы, 2 - железная пряжка, 3 - обломок железного стержня (острия), 4 - обломки железных удил; 5 - обломки железных удил, 6 - железное копье, 7-I0 - железные наконечники стрел, II - железная скобочка, I2 - обломки железного ножа, I3 - железное колечко, I4 - обломки железных удил, I5-I6 - костяные накладки на лук, I7 - костяной "вкладыш" от лука, I8 - железный наконечник стрелы.

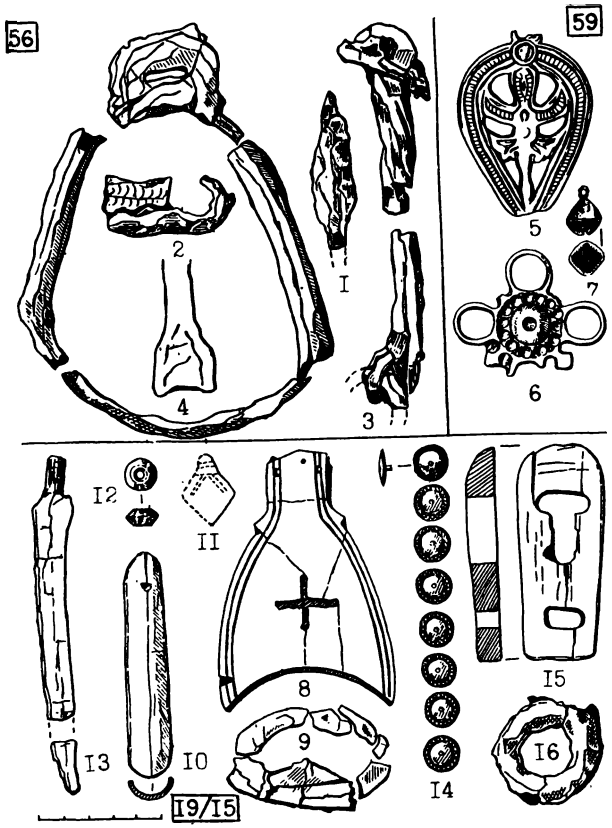

Рис.26. Вещи из погребений курганов 56 и 59, а также из погребения I5 насыпи I9. I - железный наконечник стрелы, 2 - железное кресало с кремешком, 3 - обломки железных удил, 4- обломки железного стремени; 5 - бронзовая ручка копоушки, превращенная в подвеску-амулет, 6 - бронзовая ажурная подвеска-амулет, 7 - бронзовый бубенчик, 8 - костяная массивная подвеска-амулет, 9 - обломки кресала, I0 - костяная накладка, II - подвеска из лазурита, I2 - янтарная бусина, I3 - обломки железного ножа, I4 - бронзовые, обтянутые серебряной фольгой бляшки, I5 - костяная пряжка, I6 - железное кольцо.

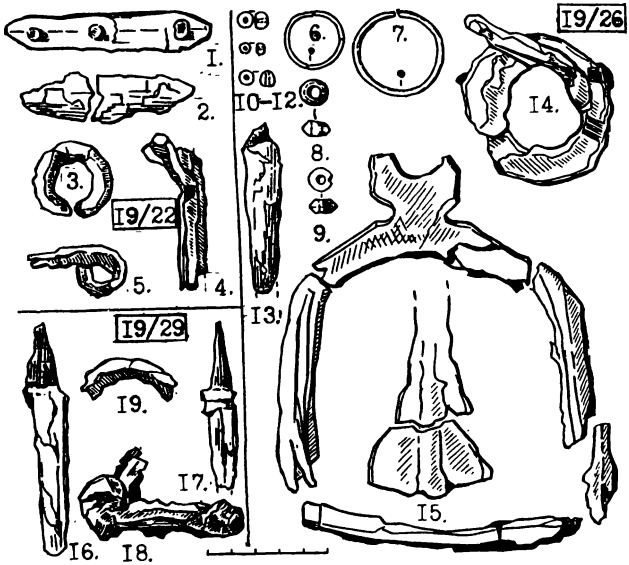

Рис.27. Вещи из погребений 22,26,29 насыпи I9. I-2 - железные обоймы, 3 - железное кольцо, 4-5 - остатки железных удил, 6-7 - серебряные серьги, 8-I2 - бусы, I3 - железный нож, I4 - железная пряжка, I5 - обломки стремени, I6 - железный нож, I7 - железное острие (гвоздь?), I8-I9 - обломки железных удил.

ГЛАВА III

ТОПОГРАФИЯ МОГИЛЬНИКА

Площадь могильника, на которой разбросаны "малые" курганы, довольно значительна - 200 х 300 м. Насыпи размещены на ней свободно, расстояние между ними в среднем 5-25 м, хотя прослежены на могильнике и курганы, почти слившиеся друг с другом и наоборот - отдаленные расстоянием в 40-60 м. Несмотря на разбросанность и кажущуюся беспорядочность размещения, на плане могильника четко выделяются две большие территориальные группы (западная и восточная), разделенные свободным от курганов пространством шириной примерно в 50 м. Правда, на этой "нейтральной" пустой полосе помещен был один курганчик, как бы связывающий обе группы между собой (Рис.28).

Первая (западная) группа состоит из 19 насыпей, из которых 18 раскопано. В целом, расположение курганов в ней компактно, хотя расстояния между отдельными насыпями местами превышает 20 м и это позволяет выделить в группе четыре подгруппы. В первую входит всего один курганчик (№ 54). Это крайняя западная насыпь, буквально по ней проходила дорога. По обе стороны дороги поверхность была перемешана так, как это обычно бывает с проселками в непосредственной близости от поселений. Поэтому можно быть уверенным, что все находившиеся рядом более мелкие насыпи были просто растащены колесами и гусеницами телег, машин и тракторов. От всей группы сохранился всего один курган, видимо, самый большой. Вторая подгруппа состоит из пяти кучно расположенных сливающихся насыпей (№№ 41,46,53, 56,59). Третья подгруппа представлена семью насыпями, расположенными вытянуто по линии СВ-ЮЗ (№№ 37,38,40,42,43,45), один курганчик в ней остался нераскопанным. Расположение насыпей в четвертой подгруппе кучное, она объединяет шесть курганов (№№ 9,10,12,13,39,47), насыпи которых отстоят одна от другой

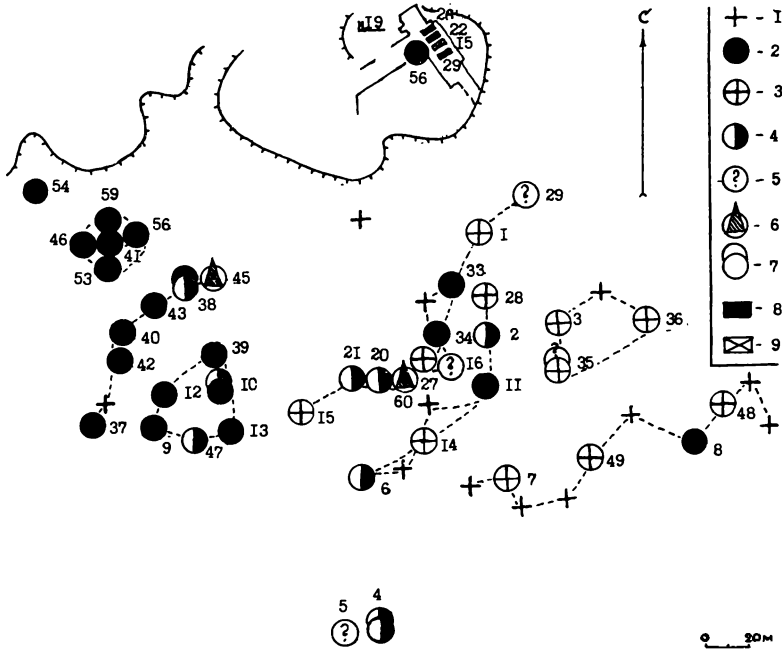

Рис. 28 Схематический план могильника и распространение на нем основных антропологических типов: европеоидного, монголоидного, смешанного. Условные обозначения: I - нераскопанные курганы, 2 - курганы с захоронениями европеоидов, 3 - курганы с захоронениями монголоидов, 4 - курганы с захоронениями людей смешанного типа, 5 - курганы с антропологически неопределимыми погребениями, 6 - курганы с захоронениями останков коней (кенотафы), 7 - курганы с впускными захоронениями, 8 - погребения европеоидов в насыпи I9, 9 - погребение монголоида в насыпи I9.

на 5-10 м, в отличие от второй подгруппы, в которой они почти сливаются.

Во вторую (восточную) группу входит 33 насыпи, из которых 11 осталось нераскопанными. Все они разбросаны по площади более, чем вдвое , превышающую размеры первой группы. Несмотря на то, что расстояние между насыпями в этой группе нередко достигает более 30 м, группа воспринимается и рассматривается нами как единое целое, хотя так же, как и в первой, в ней можно условно выделить несколько территориальных подгрупп.

Правда, выделение это значительно менее четкое и нередко условное. Так, в первую подгруппу можно с разной степенью уверенности включить 11 курганов (№№ 1,15,16,20,21,27,29,33,34, 60), одна из насыпей не исследована. Расположены они по неровной, дугообразно изогнутой линии СВ-ЮЗ. Вторая подгруппа насыпей также вытянута по линии СВ-ЮЗ, состоит она из 7 насыпей, пять из которых раскопаны (№№ 2,6,11,14,28). Отдельные насыпи этой подгруппы настолько близко подходят к курганчикам первой, что говорить об их принадлежности к определенной подгруппе можно только условно. Третья подгруппа (крайняя восточная) состоит всего из четырех насыпей три из которых раскопаны (№№ 3, 35,36). Четвертая подгруппа обрамляет могильник с юго-востока, насыпи в ней тянутся по линии в направлении В-З (с небольшим отклонением). В нее входит 10 насыпей, из которых раскопано всего четыре (№№ 7,8,48,49).

Отдельную группу представляли два кургана - 4 и 5, отделенные от южного края второй группы пустым пространством шириной в 60 м. Возможно, остальные насыпи этой группы были уничтожены проходившей рядом с ними (южнее) проезжей дорогой.

Также в отдельную группу следует, видимо, относить крайний северный курганчик, зафиксированный в полевой документации как погребение 56 насыпи 19. Насыпь 19, как уже говорилось, являлась одним из холмов-выкидов из рва. Она, как и все расположенные рядом с ней аналогичные насыпи использовалась жителями Белой Вежи под кладбище. В ней было обнаружено и исследовано 55 погребений. Что касается погребения 56, то оно находилось между насыпями 19 и 25, ближе к первой и потому пронумерованное №№ насыпи 19. На самом же деле оно было обычным подкурганным захоронением. Маленькая глиняная насыпь над ним была просто со временем перекрыта расплывшимися полами соседних боль-

ших холмов. Поскольку площадь вокруг погребения 56 и особенно в южном направлении от него, не раскапывалась, мы не можем сказать, одиночным ли был этот курган или к югу от него располагались аналогичные насыпи, составлявшими вместе с ним отдельную группу на могильнике? Косвенным подтверждением того, что курганчики там были является нераскопанная насыпь, расположенная к югу от погребения 56 в 70 м от него. Возможно, это был крайний южный курган этот невыявленной, затянутой большими насыпями группы.

Что же представляют собой все эти выделенные нами территориальные группы и подгруппы?

Прежде всего остановимся на вопросе антропологического определения обеих основных (первой и второй) групп могильника. Антропологические определения подкурганных захоронений, а также и всех остальных кочевнических погребений, обнаруженных в насыпях-отвалах, были произведены и опубликованы Л.Г.Буич [Буич, 1963]. Она выделила среди них три главных антропологических типа: европеоидный, европеоидный с монголоидностью (смешанный), монголоидный. Следует оговорить, что среди европеоидов абсолютно преобладает среднеазиатский тип, а среди монголоидов - южносибирский.

Интересно, что две большие территориальные группы могильника принадлежали разным антропологическим типам. Под курганчиками первой (западной) группы похоронены европеоиды (Рис.28). Исключений всего три: в могилах под кк.38 и 47 погребены женщины-европеоиды с монголоидной примесью и в насыпи к.10 было помещено впускное захоронение подростка-монголоида с примесью европеоидности.

Вторая группа отличается значительной этнической пестротой, но с явным преобладанием монголоидов. Из 16 погребений, определенных антропологически, 9 монголоидов, 3 - европеоида с монголоидной примесью.

Группы различались не только антропологически, но, видимо, и этнографически, что удается проследить по некоторым особенностям погребального обряда и вещевого комплекса. Так, в первой группе встречаются захоронения с использованием гробов (досчатых - №№ 39,53,56 или колод - №№ 40,41,42), помещение останков коня на приступку слева от покойника (№№ 40,43), оставление в могиле заупокойной пищи: мяса овцы (№№ 45,54) или

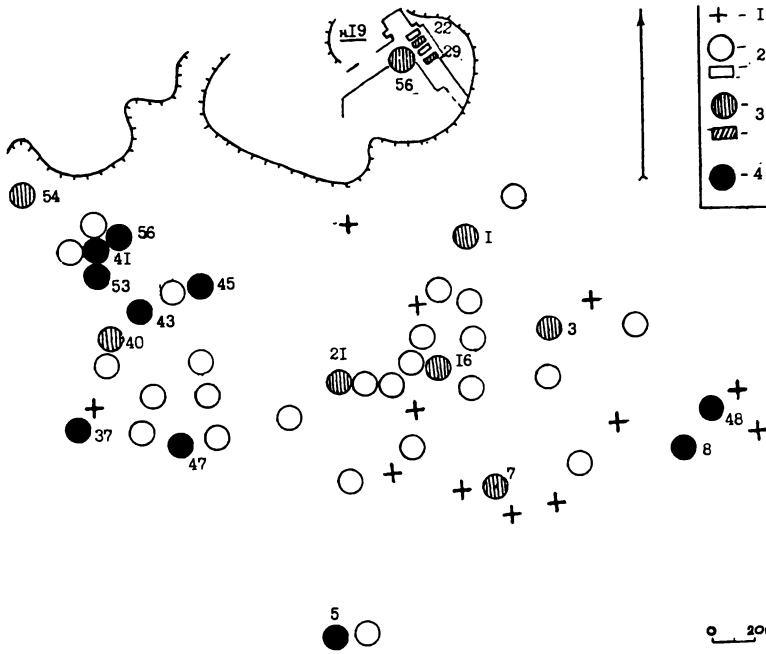

Рис.29. Схематический план могильника и распространение на нем удил без перегиба и с перегибом. I - нераскопанные курганы, 2 - курганы и погребения без находок удил, 3 - курганы и погребения с удилами с перегибом, 4 - курганы с находками удил без перегиба.

каши в горшочке (№ 10). Во второй группе эти черты попадаются в виде исключения: в погребении к.21 прослежены остатки досчатого гроба, а в погребении к.60 находились остатки заупокойной пищи. Наиболее заметным этнографическим признаком оказались удила. В первой группе преобладали удила без перегиба, во второй - с перегибом (Рис.29).

По-видимому, правомерно предположить, что группы были кладбищами двух разноэтничных семейных общин. Благодаря антропологическому различию основного контингента общин, удалось проследить, как нам кажется, родственные связи между ними - взаимное "проникновение" одной общины в другую, причем представители первой были очевидно активнее в проведении этого процесса: во второй группе сравнительно много европеоидов и европеоидов смешанного типа, в первую монголоиды допускались в виде исключения.

Происходил обмен и характерными "этнографическими" чертами. В частности, гроб во второй группе был обнаружен в захоронении воина смешанного (европеоидно-монголоидного) типа (№ 21), а запас заупокойной пищи найден в курганчике-кенотафе (№ 60), расположенном в непосредственной близости к к.21. Обменивались иногда общины и удилами: во второй группе удила без перегиба встречены один раз в погребении европеоида и только один раз - с монголоидом.

Все эти факты свидетельствуют, во-первых, о несомненных контактах общин друг с другом и, во-вторых, можно говорить о превалировании первой группы как в заключении родственных связей, с вхождением во вторую общину, так и культурном или бытовом воздействии, которое она оказывала именно вследствие активного проникновения ее членов в семьи второй общины.

Обе семейные общины делились на равное число семей - на четыре в каждой. Кладбищами этих малых подразделений были прослеженные нами на могильнике "подгруппы", состоящие каждая из 5-13 курганов.

Разделение групп (общин) на четыре части очевидно не случайно. Согласно Константину Багрянородному, число четыре и его кратные играли большую роль в общественной структуре печенежского общества: "...вся Пачинакия делится на восемь фем, имея столько же великих архонтов Восемь фем разделяются на со-

рок частей, и они имеют архонтов более низкого разряда [Константин Багрянородный. С.297].

На могильнике мы видим те же числа 2+2, 4+4=8. Разумеется, Константин Багрянородный имел дело и писал об огромных "фемах" - союзах орд и об их частях - больших ордах. Здесь же на могильнике удалось проследить самые низшие ячейки этой сложившейся еще в древности четкой организации общества. Первичной ячейкой была патриархальная парная семья, кладбищами которых были курганные подгруппы. Однако, почти во всех подгруппах похоронены только мужчины, то есть, видимо, только главы семей и не создавшие еще своей семьи сыновья. Не исключено, что их жены были беловежки, которых хоронили соответственно на беловежском кладбище, там же погребали и малолетних детей. Только жены, происходившие из кочевнических семей, погребались на семейных кладбищах вместе с мужьями или во всяком случае - на семейном кладбище.

Сопоставление семейных подгрупп с пятью типами погребений, разобраных нами в I главе, позволяет сделать вывод об имущественном неравенстве семей, а не отдельных членов общества (Табл. I0).

Явно "обеспеченными" семьями в первой группе являются вторая и третья (первая представлена всего одним курганом). Во второй подгруппе три погребения возмужалых воинов пятого типа: с оседлым и взнузданным чучелом коня (ноги коня отчленены по третий сустав), с оружием (№ 53) и в гробах. В ту же семью входили мужчина зрелого возраста, похороненный без вещей, коня и гроба (№ 46) и подросток с подвесками-амулетами (№ 59), что подтверждает сделанное ранее наблюдение о зависимости погребального обряда (изменений в нем) от возраста погребенных. Члены этой семьи, не достигшие возраста воинов или вышедшие из него, хоронились значительно скромнее, чем активно действующие возмужалые воины.

Третья подгруппа - единственная, в которой половина вскрытых погребений - женщины, а мужчины - возмужалые воины были европеоиды, но один - "андроновского типа" (№ 40), а второй - "переднеазиатского" (№ 43), то есть они не были кровными родственниками захороненных в этой группе людей. Вошли они в группу, по-видимому, благодаря бракам с женщинами, входившими в первую семейную группу-общину и по праву похороненных на общинном

кладбище. При этом одна из женщин, похороненная под к.37 явно относится к наиболее богатому типу погребений (чучело взнузданного "породистого" коня с отчлененными по третий сустав ногами, с золотыми и серебряными украшениями), что, вероятно, свидетельствует о ее высоком общественном положении. Другая женщина из основного погребения к.38 была зрелого возраста и, очевидно, поэтому она, как и зрелые мужчины из второй (№ 46) и из третьей (№ 42) подгрупп была похоронена совсем без вещей. Впускное погребение этого курганчика также было женское, совершенное по мусульманскому обряду. Таким образом, (подгруппа) отличается рядом оригинальных черт. Во-первых, наличием, наряду с мужскими, женских захоронений, во-вторых, включением в семью европеоидов, неродственных основному составу группы, в-третьих, наличием мусульманского погребения, единственного в окрестностях Саркела-Белой Вежи.

Несмотря на очевидную этническую пестроту, семья была достаточно обеспечена и влиятельна, о чем говорят богатство женского погребения, захоронения воинов, наличие в подгруппе кенотафа (№ 45), сооруженного в память о погибшем воине - члене, а, возможно, и главе этой многоэтничной семьи.

Семья, занимающая территорию четвертой подгруппы, также многоэтнична, но в отличие от предыдущей, весьма небогата. Главное место в ней занимает, видимо, погребение старика, явно бывшего славным воином поскольку положен он был в могилу со своим старым луком и колчаном со стрелами (№ 10). Отсутствие коня здесь явно следует объяснять возрастом погребенного, переставшего быть всадником-воином. В его курган впускником был помещен юноша-монголоид, погибший от раны: вся правая сторона лица была отсечена. Это единственный монголоид во всей группе (во всех четырех семьях). Вероятно, он был родственником старика со стороны его жены (или дочери?), похороненной в этой же подгруппе (№ 47) и антропологически относимой к смешанному этносу (европеоид с монголоидностью). Во всей подгруппе только она одна, несмотря на солидный возраст (зрелый), была погребена с чучелом коня, однако вещей при ней почти не было, исключая ножницы у головы, положенные, вероятно, в качестве охранного амулета.

Остальные четыре погребения относятся к первым трем типам (без коней, с малым количеством, а то и вовсе без вещей), хотя все они были возмужалые мужчины, т.е. люди, находившиеся в

возрасте воинов. Двое из этих мужчин, хотя и европеоиды, но не среднеазиатские, как основная масса похороненных на могильнике европеоидов, а средиземноморские (№№ 9,12), а значит они не были кровными родственниками не только данной семьи, но и всей общины. Тем не менее их сочли возможным похоронить на семейном кладбище, следуя тому же скромному обряду, который был принят в этой семье, вернее тому, который она могла себе позволить. В ней не только старик, но и два родственные ему мужчины (№№ 13,39) не были, видимо, воинами-всадниками и потому их похоронили без коней и вещей. Этой чести (похорон с останками коня) удостоилась в этой семье только женщина, причем зрелого (пожилого) возраста. По-видимому, она после смерти мужа или отца, братьев, возглавляла эту обедневшую семью и вынуждена была представлять ее и защищать ее интересы на сходках, при перекочевках и даже в битвах. Не случайно, что семья была пополнена инородными - вся родня была, вероятно, перебита. Так, похороненный в к.39 мужчина (сын старика?) был убит ударом чекана, пробившем лобную кость.

Перейдем к рассмотрению семей второй группы (общины). Первая семья характеризуется антропологическим разнообразием: в ней два европеоида, три южносибирских монголоида, два - смешанных (европеоиды с монголоидной южносибирской примесью) и два неопределенных.

Другим отличительным признаком этой семьи (подгруппы) является относительное "богатство" ее погребений. Именно в этой подгруппе обнаружены сабли (№№ 16,34), копье (№ 21), в нее входит кенотаф, три погребения из восьми - с чучелами коней (4 и 5 типы). Весьма существенен тот факт, что наиболее богатые захоронения принадлежали возмужалым европеоиду (№ 34) и европеоиду с монголоидной примесью (№ 21), хотя были в этой семье и европеоиды, похороненные весьма скромно и даже бедно (№ 33). Монголоиды в этой семье похоронены без коней, а иногда и без вещей. Возраст их различный - зрелый (№ 27) и возмужалый (№ 15), поэтому у нас нет уверенности, что "ограничение" сопровождающего инвентаря связано с возрастом захороненных, скорее в данном случае это этнографический признак. На это семейное кладбище помимо воинов и зрелых мужчин попали и два юноши. Один из них - мальчик 13-14 лет (29) похоронен без чучела коня и без вещей, а другой - восемнадцатилетний (16) не только с останками коня,

но и с саблей, как настоящий воин. Очевидно, примерно в период от I4 до I8 лет юноши переходили в разряд воинов-всадников и погребались по обряду, положенному этой общественной категории.

Вторая семья представлена небольшим количеством исследованных захоронений (всего пять), однако антропологически состав ее прослежен фактически полностью. Особенностями, отличающими ее от остальных подгрупп этой группы, являются входящие в нее два женских захоронения (№№ 2,6) и мужчина-европеоид (№ II) переднеазиатского типа. Этим данная семья несколько напоминает третью семью I группы, где также был захоронен один переднеазиатский европеоид и три женщины. Однако, если в той семье главенствующую роль, возможно, играла женщина, то здесь главой мог быть южносибирский монголоид - старик (№ 28), похороненный без всякого сопровождающего оружия (только с ножиком). В целом, группа бедная, все погребения совершены почти без вещей, только в женском погребении к.2 найдены стремя, стрела, остатки колчана, но осталось неясным, было ли при ней чучело коня (не сохранились ни описание, ни чертеж погребения). Находка стремени позволяет все-таки предполагать, что конь был, а юная женщина была, как и погребенный в соседнем кургане юноша (№ I6), всадницей. Это тем более вероятно, что погибла она, видимо, в бою от раны, нанесенной сабельным ударом по левой стороне лица.

Третья семья представлена тремя мужскими захоронениями, два из которых (№№ 3,35) южносибирские монголоиды - воины-всадники, причем один из них оставался в этой категории несмотря на солидный возраст (зрелый). В других семьях как-будто соблюдалось правило, что люди этого возраста погребались без останков коней и без вещей. Он же был похоронен с чучелом коня, а в насыпи его курганчика было впущено погребение маленького ребенка (3-4 лет). Третье захоронение зрелого мужчины не всадническое, возможно, потому, что он принадлежал к иному антропологическому типу (Монголоид центрально-азиатского типа).

Четвертая подгруппа была исследована очень слабо, судить об антропологическом составе семьи всего по четырем захоронениях из десяти затруднительно. Можно только констатировать, что все исследованные погребения - мужские, три из них - монголоиды, один - европеоид. Не исключено, что главой этой семьи

был старик, похороненный, как и старик из к.10, только со старым луком, колчаном, стрелой, но без коня. Судя по костям, он обладал недюжинной физической силой, о том же свидетельствуют и массивные налучные накладки, придававшие луку особенную упругость. Остальные мужчины этой семьи - возмужалые воины.

По-видимому, подгруппы представляли собой кладбища парных, интенсивно разрастающихся и делящихся семей, фактически состоявших из нескольких малых парных семей. Поэтому-то на зимний могильник попало от каждой семьи по несколько мужчин, бывших главами малых семей. Соединение на одном семейном недолго существовавшем кладбище нескольких мужчин можно, конечно, объяснить и быстрой "сменяемостью" глав - частой гибелью их в битвах. Ведь недаром на всем могильнике было обнаружено всего три погребения стариков, существенно также, что даже женщины не избегали славной участи - гибели в бою и в то же время в какие-то периоды жизни семьи заботы о ней ложились на плечи женщины.

Такой женщиной - главой третьей семьи (группа I), вероятно, могла быть всадница из к.37. Кроме нее, на могильнике встречено еще одно аналогичное по значению женское захоронение под крайним северным курганчиком (I9/56). В предыдущей главе мы видели, что это погребение, пожалуй, самое позднее на могильнике. Оно датируется на ранее XI в., то есть относится к половецкому времени и, вероятно, сама женщина была половчанкой, поскольку похоронена она с атрибутами, характерными для половецких погребений (витая распрямленная половинка гривны в руке). Известно, что у половцев женщины пользовались большим уважением и обладали фактически равными с мужчинами правами. Данное погребение еще раз свидетельствует о женском равноправии в половецком обществе XI в. Очевидно, эта пожилая женщина была главой семьи, что подтверждается положенным с нею в могилу "жезлом власти".

Выше говорилось, что это погребение могло быть одним из целой группы захоронений, то есть принадлежавшем кладбищу большой семейной общины, включавшей кладбища нескольких семей. Эта группа курганов была расположена точно на севере от двух предыдущих (западной - первой и восточной - второй), на юг от которых находилась еще одна группа, представленная фактически кладбищем всего одной парной семьи: мужчиной-всадником, убитым

в бою (отсечена голова), юной, также убитой, женщиной и "впущеным" в ее курган погребением юноши, возможно, ее братом, так как оба молодых человека относятся к смешанному (европеоидно-монголоидному) типу.

Деление всего могильника "малых" курганов на четыре группы, расположенные соответственно четырем странам света, представляется весьма значимым и интересным в свете приведенного выше сообщения Константина Багрянородного о двух- и четырехкратном делении печенежского сообщества.

Сопоставим топографии могильника с типами погребений, позволяет сделать некоторые выводы о соотношении разных группировок между собой, дополнить некоторые сделанные выше наблюдения о социально-экономических отношениях (Табл.I0).

Прежде всего очевиден патриархальный характер группировок и входивших в них семей: главы семей, как правило, были мужчины-всадники, хотя, когда это было необходимо, женщины также могли брать на себя, возможно временно, эти тяжелые обязанности.

Выше уже высказывалось предположение, что люди, погребенные по четвертому и особенно пятому типу погребального обряда были в имущественном отношении наиболее обеспеченными, а в социальном - наиболее влиятельными. В первой группе (общине) захоронения таких людей составляют 45 %. Судя по преобладанию погребений 5 типа во второй и третьей семьях, они были, несмотря на вхождение в третью семью инородцев, более сильными и влиятельными, чем четвертая семья, в которой, помимо того, что в нее тоже входили инородцы, главой был уже вышедший из всадничества старик.

С учетом того, что в эту группу входило I5% погребений того же типа по которому погребен старик-воин, семейная община в целом была весьма представительна, отличаясь этим от второй (восточной) группы захоронений.

Во второй группе всего два погребения пятого типа и пять четвертого, то есть всего 30% всадниических погребений, причем преобладают среди них более скромные захоронения четвертого типа. Несмотря на включение в группу еще двух воинов, по разным неясным нам причинам безлошадных, но, видимо, достаточно заметным в обществе (один из них старый заслуженный воин), группа много "беднее" первой, в ней больше безынвентарных погребений с малым колчеством бытовых мелких предметов (почти 60%).

Таблица IO

Соотношение территориальных групп и подгрупп с типами погребений

группы		I				II			
подгруппы		I	2	3	4	I	2	3	4
типы погребений	I		46	38/I 38/2 42	9	20 29 33	6	35/I	
	2				IO/I I2 I3	I5 27	I4 26	36	
	3		59		IO/2 39		II		49
	4	54			47	I6 60		35/2	8 48
	5		4I 53 56	37 40 43 45		2I 34			

Создается впечатление, что вторая семейная община не только находилась под культурным и этническим влиянием первой, но и под ее политическим давлением и воздействием: абсолютное большинство наиболее богатых захоронений было сосредоточено в первой группе.

В обеих группах (фактически в каждой семье) значительное место занимали бедные погребения - без вещей или почти без них, Это вполне объяснимо, так как состав любой семьи, а тем более семейной общины не мог быть однородным. Даже малая семья включала как прославленных в боях воинов, которые обычно и были главами этих семей, так и их жен, детей, пастухов, которые брались за оружие только в исключительных ситуациях и челядинцев. Последних "подхоранивали", возможно, в насыпях курганчиков, со-

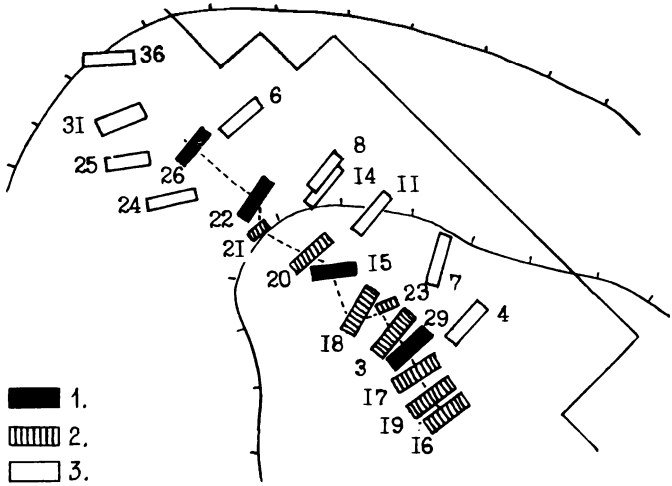

Рис.30. План участка беловежского кладбища (насыпь I9), на котором обнаружены кочевнические захоронения I5,22,26 и 29.

оруженных над членами семьи.

Пестрый этнически, культурно и в какой-то степени социально состав семьи кочевников хорошо прослеживается и на примере семьи, хоронившей своих мертвых на вершине насыпи I9 (на беловежском городском кладбище). Выше мы говорили о четырех погребениях этого семейства, относимых к кочевникам прежде всего по сопровождающим их останкам коней, по заметно нарушенному христианскому обряду: руки вытянуты вдоль тела, захоронения без гробов, а если с гробом, то головой на Восток, с предметами конской сбруи. Похороненный головой на Восток мужчина отличался от всех погребенных вокруг людей резко выраженной монголоидностью. Таким образом, принадлежность этих четырех погребений к этно-культурному кругу кочевников, похороненных под "малыми" курганами не вызывала сомнений.

Следует учитывать, что на кладбище все они располагались в один ряд, что как будто может служить дополнительным доказательством их принадлежности к одной семье, но вперемешку с ними находилось еще несколько захоронений, синхронных им и имеющих с ними ряд общих черт погребального обряда (Рис.30). Прежде всего это два детских погребения - 2I (рядом с женским 22) и 23. У обоих руки вытянуты вдоль тела, что для кочевников обычно, а для христианских захоронений не свойственно. У одного из них найдены две подвески из лазурита, что дает дату (XI в.) и вероятность тесных связей с кочевниками, для которых этот камень был священным [Макарова, 1962]. Помимо детей, руки вдоль туловища уложены были у людей, похороненных в могилах 3 и I9. Оба совершены в гробах, но в погребении 3, кроме характерного для "языческих" погребений положения рук, прослежены и другие черты, сближающие его с миром язычников, а именно ритуально-разрушенные стопы ног и амулет - просверленный человеческий позвонок. Принадлежность его к этому семейству в какой-то мере может подтверждаться и болезнью (сифилисом), который были больны мужчина и женщина из погребений I5 и 22.

Хотя обряд ритуального разрушения скелетов не типичен для беловежских кочевников, а широко распространен и среди христиан коренного беловежского населения, так же, как и вытянутые вдоль туловища при захоронении руки, в данном случае важно отметить языческие особенности захоронений потому, что люди, не принявшие или не вполне еще принявшие христианство, быстрее и охотнее

родились с язычниками-кочевниками, тем более, что их верования, представления о мироздании были весьма близки, отличаясь только некоторым ритуальным своеобразием.

Таблица II

Характеристика погребений кладбища насыпи I9, расположенных в одном ряду с кочевническими захоронениями I5,22,26,29

№/№ погребений	признаки							
	гроб	ориентировка	ритуальное разрушение	руки вдоль тела	руки согнутые в локтях	пол	возраст	антрополог. тип
2I	-	ЮЗ	-	+	-	?	до I г.	?
20	+	ЮЗ		-	+	М	зрел.	Е *
I8	+	ЮЗ	-	-	+	М	возм.	Е
23	-	ЮЗ	-	+	-	?	3-4 г.	?
3	+	ЮЗ		+	-	М	возм.	Е.САМ
I7	+	ЗЮЗ		-	?	М	стар.	Е.САМ
I9	+	ЗЮЗ	-		-	Ж	возм.	смеш
I6	+	ЗЮЗ	+	-	+	М	возм.	?

* Е - европеоид, Е.САМ - европеоид средне-азиатского междуречья.

Однако не только верования и даже одинаковые представления об общественных категориях (в частности высокая оценка всадничества), не только тяготение к кочевой экономике, которая в виде отгонного скотоводства сохранилась и у саркельцев-беловежцев вплоть до конца жизни городка, более всего объединяло это население с людьми, погребенными под насыпями "малых курганов",

этническая общность.

Подводя итоги сказанному, можно, видимо, считать, что территориальные группы были кладбищами большесемейных общин, а могильник в целом - кладбищем степного объединения, находившегося в тесных взаимоотношениях с городком. Это была вероятнее всего орда, представляющая собой что-то вроде "земледельческой" или соседско-большесемейной общины, состоявшая, как свидетельствуют нам археологический и антропологический материал, из двух мирно соседствующих этнических группировок.

Рассмотрим вопрос об этническом определении населения, оставившего нам характерные кочевнические захоронения, относящиеся к X-XI вв., в окрестностях городка Белой Вежи в следующей - заключительной главе данной работы.

ГЛАВА IУ

ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Благодаря сохранившемуся сообщению в русской летописи, мы знаем, что в районе Белой Вежи еще в начале XII в. кочевали (зимовали) две этнические группы: торки (гузы) и печенеги. В 1116 году "бишася с половци и с торкы и с печенегы у Дона и секошася два дни и две нощи и придоша в Русь ко Володимеру торци и печенези ..." (ПСРЛ. П. Стб.284). Это сообщение, взятое отдельно от записи следующего года, мало, что дает, поскольку "Дон" в летописи-понятие очень растяжимое: помимо собственно Дона так назывался и Северский Донец. Однако под 1117 г. сообщалось, что в том году "придоша беловежьцы в Русь" (ПСРЛ. П. Стб.285). Взятые вместе, эти сведения могут быть истолкованы так, что составлявшие военный заслон города торки и печенеги были разгромлены и после этого события пребывание жителей в почти незащищенном городке (стены крепости давно уже были полуразобраны и заросли культурным слоем) стало бессмысленно и опасно. Они и ушли оттуда под защиту князя Владимира Мономаха.

Археологический материал, обнаруженный в погребениях (даже и на беловежском кладбище) подтверждает функционирование могильника самое позднее до середины XII в. Половцы некоторое время зимовали в оставленном прежними жителями городке [Артамонов, 1958. С.84; Артамонов, 1962. С.453]. Возможно даже, что самые поздние захоронения на могильнике можно связывать со временем половецкого пребывания на развалинах Белой Вежи.

Казалось бы, этнический вопрос этим можно закрыть и считать практически решенным: одна территориально-этническая группа принадлежала печенегам, другая - торкам. Однако, остается неясным, какую группу мы можем называть печенежской, а какую - торческой. Эта неясность усугубляется тем обстоятельством, что преобладающие на могильнике европеоиды средне-азиатского типа являются превалирующим антропологическим типом и на саркельско-беловежских кладбищах, связанных в свою очередь антропологически

со всем громадным восточноевропейским массивом брахикранов Хазарии. Наиболее полно были изучены четыре саркельско-беловежских кладбища: у юго-западной стены и на насыпях I7,I9,24: всего около 700 погребений. Антропологические определения, естественно, удалось провести из-за плохой сохранности скелетов, особенно детских, только на части этих захоронений: всего на 276 взрослых скелетах.

Таблица I2

Распределение антропологически определенных погребений на четырех основных беловежских кладбищах (в скобках даны %).

Кладбище	Количество определенных погребений	Количество европеоидов САМ	Количество монголоидов ЮС
Юго-западная стена	II8(50)	40(45)	-
Насыпь I7	74 (30)	22 (33,5)	7 (I0)
Насыпь I9	28 (50)	6 (24)	I
Насыпь 24	56 (30)	I4 (25)	I

Особенно много европеоидов типа средне-азиатского междуречья на кладбище у стены, где сосредоточены погребения собственного коренного саркельского населения (преобладал этот тип и в самых ранних погребениях - в круглых ямах). Сохранял он ведущее положение и в следующий - беловежский период вплоть до конца существования города. Об этом говорит большое количество этих европеоидов в насыпях, погребения на которых начали сооружать в беловежский период. Эти же европеоиды составляли, как мы видели, ядро западной группы могильника - первой общины кочевнической орды, кладбищем которой были "малые курганы".

Основной европеоидный массив (типа среднеазиатского междуречья - САМ), начиная уже с конца IX в., стал пополняться раз-

личными этническими группировками, особенно много было европеоидов средиземноморского и переднеазиатского типов (СЗМ и ПА). Были среди пришельцев и южносибирские монголоиды (правда, немного). Этот процесс пополнения чужаками из тех же этнических группировок мы наблюдали и на курганном могильнике только в иных пропорциях. Так, если на беловежских кладбищах СЗМ - тип составлял иногда 20-30 % погребенных, то здесь это, как и ПА- тип - единичные захоронения, зато монголоидных погребений (ЮС-типа) на могильнике свыше 25%. Очевидно, именно монголоиды пополняли кочевническое объединение, начало формирования которого, вероятно, следует относить еще к саркельскому времени.

Возникает закономерный вопрос о том, к какому из известных в письменных источниках народов следует относить этих европеоидов. Их тождество с "эливкинцами" позволяет, видимо, предполагать близкое этническое родство с населением Хазарского каганата, прежде всего - с болгарским и хазарским этносами.

Саркел примерно до IX в. был крепостью хазарского кагана, в которой должен был жить хазарский военный гарнизон. Судя по керамике с "пышным" орнаментом, заполнявшей нижний горизонт культурного слоя саркельской цитадели [Плетнева, 1959. Рис.46, 49] в составе этого первого населения крепости были люди, принесшие эту керамику, хорошо известную на городищах среднеазиатского междуречья, известных в литературе под названием "города гузов" [Толстов, 1947].

С.П.Толстов считал, что в конгломерат огузов (гузов) входили печенеги и их наиболее знатная часть - канглы (кангар). Печенеги, по его мнению, были местной народностью "непосредственными потомками древних приаральских племен" [Толстов, 1947. С.101]. В то же время мы знаем, что они были тюркоязычны и язык их относился к той же группе, что и болгарский (а значит и хазарский). Этот факт, очевидно, подтверждает родственность печенегов с болгарским населением Саркела (все они европеоиды типа САМ). В IX в. печенеги подошли уже к берегам Волги и оставили там следы временных стойбищ с лепной керамикой, украшенной "пышным" узором, аналогичной с одной стороны, керамике "городов гузов", а с другой - сосудам, обломки которых являются одной из самых характерных находок в слое Саркела IX в. Остатки этих стойбищ были обнаружены разведками В.Д.

Белецкого в 1958 г. Столкнувшись с кочевьями печенегов, хазарский каган, естественно, решил предельно обезвредить их, приняв на службу для борьбы с р-вавшимися в степи венграми (мадьярами).

Крепость Саркел быстро превратилась в городок. В нем, наряду с болгаро-хазарским населением, жили славяне и, судя по распространению "пышной" керамики по всему городищу, печенеги. Однако погребения их, совершенные по характерному для них обряду и относящиеся к концу IX - началу X вв., в окрестностях Саркела не обнаружены. Могильник, как мы видели, несмотря на некоторые ранние вещи в отдельных захоронениях, датируется серединой X-XI вв. Видимо, богатые и знатные семьи хоронили своих мертвых по-прежнему "скрытно" - в степях - в насыпях предыдущих эпох, как делали это их предки [Плетнева, 1982. С.16-17], а бедняки хоронились, вероятно, там же, где и остальное население города - под юго-западной стеной города (антропологически они не отличались).

Кочевнический курганный могильник возник, видимо, как и кладбища на насыпях-холмах, после взятия Саркела Святославом.

Прежнее население осталось в нем, но прибавилось и новое. Для нас в данной работе особенный интерес представляют монголоиды южно-сибирского типа, поскольку именно они вошли значительной составной частью в городской печенежский гарнизон, оставленный Святославом в завоеванном им городке, который стал называться уже по-русски - Белой Вежей.

Кто же были южно-сибирские монголоиды? Еще в Приаралье формирующийся огузский союз состоял из разноэтничных элементов, среди которых помимо европеоидов-печенегов, довольно заметное место занимали монголоиды, бывшие доминирующим компонентом многих собственно огузских племен [Толстов, 1947. С. 101].

Таким образом, есть все основания говорить о том, что печенежское соединение, кочевавшее в окрестностях Саркела пополнилось выходцами из огузских племен. Произошло "воссоединение" печенегов и огузов на новой занятой ими земле - в нижнем Подонье. Этот процесс сложения в восточно-европейских степях печенего-огузской коалиции удалось, как мне кажется, проследить на частном конкретном примере - на беловежском курганном могильнике.

Мы видели, что и здесь печенеги играли главную роль, их было больше, они оказывали влияние на семьи огузов, нередко входили в них и занимали при этом главенствующее положение. Следует отметить также, что, как и в каждом формирующемся кочевническом соединении, помимо двух или даже трех этносов, в новое образование вливались самые различные этнически люди, происходившие обычно из близко соприкасавшихся с кочевниками народов и стран. В Белой Веже с кочевниками гарнизона, естественно, тесно общалось все население городка. Многие из них - мужчины, а чаще - женщины входили в семьи печенегов и огузов (гузов), все более нивелируя эти группировки друг с другом.

О перемешанности группировок говорит факт неотличимости их погребальных обрядов. При этом интересно, что ряд признаков, которые по мнению исследователей гузских погребений в Заволжье и Приуралье характерны именно для гузского погребального обряда (глубокие и широкие могилы, нередко с приступками, сооружение гробов, помещение с умершим бронзовых красивых ажурных подвесок) в беловежском могильнике, как мы видели, встречаются обычно в печенежской группе. Очевидно, это не этнические а скорее экономические признаки. Не требует особых доказательв, что для богача и могилу рыли глубже, и гроб сколачивали крепче, и дорогих или престижных вещей имели возможность положить больше. Поэтому в Заволжье, где гузы в X в. играли главенствующую роль, все перечисленные особенности действительно характеризовали гузские погребения, а у Белой Вежи печенеги выдвинулись на ведущее место, были более обеспечены и влиятельны и потому все эти черты стали присущи печенегам.

Ассимиляция коснулась, видимо, не только печенегов и гузов, но и некоторых выходцев из половецких орд по какой-либо причине пришедших в город и влившихся в формирующуюся беловежскую гузо-печенежскую орду. Возможно, именно половцем был похороненный головой на Восток воин из погр. I5 (насыпь I9), половчанкой же была и женщина погр. 56 (насыпь I9). Дата этих погребений также свидетельствует в пользу половецкой принадлежности обоих захоронений (XI и XII вв.). Оба они принадлежали разным антропологическим типам (монголоид и европеоид), но среди половцев это было типичное явление: этническая смешанность их была еще более разительной, чем у людей, входивших в печенего-гузский или гузо-печенежский союзы.

В настоящее время нужно, очевидно, признать, что вопрос о четком выделении признаков собственно печенежских или гузских в погребальном обряде недостаточно разработан. Решать его нужно, учитывая материалы всей степи, а не отдельных ее регионов или тем более - памятников.

В данной работе мы можем констатировать факт мирного сожительства и слияния в какое-то новое политическое и этническое образование представителей двух разных тюркоязычных этносов: печенегов и торков (Гузов). К середине XII в. это слияние привело, уже на землях русского пограничья (в Поросье), к созданию нового этнического массива, известного в русских летописях под именем Черные Клобуки.

Артамонов М.И. 1935. Средневековые поселения на нижнем Дону // ИГАИМК №131.
Артамонов М.И. 1958. Саркел-Белая Вежа // МИА. № 62. М.-Л.
Артамонов М.И. 1962. История хазар. Л.
Артамонова О.А. 1963. Могильник Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109. М.-Л.
Атавин А.Г. 1984. Некоторые особенности захоронений чучел коней в кочевнических погребениях X-XIУ вв. // СА. № I.
Басандайка. 1947. Труды Томского Гос.Университета им. В.В. Куйбышева. Т.98. Томск.
Белецкий В.Д. 1959. Жилища Саркела-Белой Вежи // МИА. № 75. М.-Л.
Бранденбург Н.Е., 1908. Журнал раскопок 1888-1902 гг. СПб.
Винников А.З. 1984. Славянские курганы лесостепного Дона. Воронеж.
Вуич Л.Г. 1963. Черепа из кочевнического могильника возле Саркела-Белой Вежи // МИА. № 109. М.-Л.
Гаврилина Л.М. 1985. Кочевнические украшения X в. // СА. № 3.
Гаврилова А.А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.-Л.
Генинг В.Ф., Халиков А.Х. 1964. Ранние болгары на Волге. М.
Евтюхова Л.А. 1948. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан.
Ибн-Фадлан. Ковалевский А.П. 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков.
История первобытного общества. Эпоха классообразования. 1988. М.
Каргер М.К. 1950. Археологические исследования древнего Киева. Киев.
Кирпичников А.Н. 1966. Древнерусское оружие. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX-XIII вв. // САИ. Вып.Е1-36. М.-Л.
Кирпичников А.Н. 1973. Снаряжение всадника и верховного коня на Руси IX-XIII вв // САИ. Вып.Е1-36. Л.
Ковач Л. 1981. Вооружение венгров - обретателей родины: сабли, боевые топоры, копья. Автореф. кандидатской дисс. М.
Константин Багрянородный // Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М., 1982.

Корзухина Г.Ф. 1950. Из истории древнерусского оружия // СА. XIII.
1954
Корзухина Г.Ф. Русские клады IX-XIII вв. М.-Л.
Кригер В.А. 1985. Кочевники Южного Приуралья и Заволжья в средние века (X-XIУ вв.) Автореф, канд.дисс. М.
Куйбышев А.И., Орлов Р.С. 1982. Уздечный набор XI в из Ново-Каменки // СА. № I.
Кызласов И.Л. 1983. Аскизская культура Южной Сибири X-XIУ вв. // САИ. Е3-18. М.
Липец Р.С. 1984. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.
Мажитов Н.А. 1977. Южный Урал в УП-XIУ вв. М.
Мажитов Н.А. 1981. Курганы Южного Урала УШ-XП вв. М.
Макарова Т.И. 1962. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников X-XI вв // АСГЭ. № 4.
Макарова Т.И., Плетнева С.А. 1983. Пояс знатного воина из Саркела // СА. № 2.
Медведев А.Ф. 1966. Ручное метательное оружие. Лук и стрелы, самострел. УШ-XIУ вв // САИ Е1-36. М.
Мерперт Н.Я. 1955. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. XXIII.
Плетнева С.А. 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. № 62. М.-Л.
Плетнева С.А. 1959. Керамика Саркела-Белой Вежи // МИА. 75.
Плетнева С.А. 1963. Кочевнический могильник близ Саркела-Белой Вежи // МИА. 109. М.-Л.
Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. № 142.
Плетнева С.А. 1973. Древности Черных клобуков // САИ. Е1-19. М.
Плетнева С.А. 1982. Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.
Плетнева С.А. 1989. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М.
ПСРЛ П. Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. М., 1962.
Равдина Т.В. 1988. Погребения X-XI вв. с монетами на территории Древней Руси. Каталог. М.
Седова М.В. 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X-XУ вв). М.

Сорокин С.С. 1959. Железные изделия Саркела-Белой Вежи // МИА. 75. М.-Л.

Столяр А.Д. 1958. Раскопки курганов у хут. Попова в 1950-1951 гг. // МИА. № 62. М.-Л.

Толстов С.П. 1947. Города гузов (историко-этнографические этюды) // СЭ. № 3.

Федоров-Давыдов Г.А. 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.

Флеров В.С. 1984. Маяцкий могильник // Маяцкое городище. М.

Халикова Е.А. 1986. Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X - начала XIII вв. Казань.

Худяков Ю.С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI-XII вв. Новосибирск.

Худяков Ю.С. 1986. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. Новосибирск.

Fettich N. 1937. Die Metallkunst der Landnehmenden Ungarn // AH. XXI. Budapest.

Khalikova E.A., Kazakov E.P. 1977. Le cimetiere de Tankeevka // Les cnciens hongrois et les ethnies voisines a l'Est. Budapest.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа

ИГАИМК – Известия Государственной Академии Истории материальной культуры

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

СА – Советская археология

САИ – Свод археологических источников

СЭ – Советская этнография

Тр. ВДЭ – Труды Волго-Донской экспедиции

AH – Archaeologia Hungarica

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3-8
Глава I. Погребальный обряд	9-42
Глава 2. Вопросы хронологии	43-74
Глава 3. Топография могильника	75-9I
Глава 4. Вопросы этнической интерпретации	92-97
Литература	98-I00
Список сокращений	I0I

Черметинформация, зак.436, тир.300,
уч.-изд.л.6,38, печ.л.6,5,
усл.кр.-отт.6,75, цена 1 руб. 50 коп.,
подписано к печати 3.05.90 г.